
АНАЛИЗ НОВОСТЕЙ КАК ДИСКУРСА*

Т.А. ван Дейк. ЯЗЫК - ПОЗНАНИЕ -
КОММУНИКАЦИЯ. Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де
Куртенэ, 2000.

НОВОСТИ КАК ТИП ДИСКУРСА

Одно из наиболее очевидных свойств газетных и телевизионных новостей, которое игнорировалось как в традиционных, так и в сравнительно недавних исследованиях средств массовой информации, состоит в том, что они представляют собой особый вид дискурса. Доминирование социальных наук в изучении средств массовой коммуникации привело к концентрации внимания преимущественно на экономических, политических, социальных или психологических аспектах обработки текстов новостей. Такая **ориентация** дала возможность выявить основные факторы, задействованные в процессе производства новостей и в процессах использования или воздействия этих сообщений. В подобных исследованиях внимание на само сообщение обычно обращается лишь постольку, поскольку оно информирует о факторах, **действующих** в различных контекстах его **употребления**. Различные формы **контентанализа** — как традиционные, так и недавно возникшие — **были** направлены на методологически адекватное описание отдельных свойств текстов массовой информации с основной **целью** — **выявить** особенности соответствующих контекстов. Адекватность такого подхода определяется скорее обоснованностью используемых категорий и изощренностью статистической обработки результатов, чем систематическим анализом и пониманием текстов массовой коммуникации.

Основываясь на результатах современных междисциплинарных исследований дискурса, мы можем несколько

* Teun A. van Dijk. The Analysis of News as **Discourse**. — In: „News Analysis. Case Studies of International and National News in the Press (Ed. by Teun A. van **Dijk**). Hillsdale, New Jersey, 1988, p. 1—30.

иначе подойти к изучению текстов сообщений массовой коммуникации. Определяющим свойством этой новой ориентации является ее направленность на изучение самой сути процесса массовой коммуникации, а именно самих речевых сообщений. При таком подходе речевые сообщения уже не анализируются лишь в терминах, поддающихся наблюдению и статистической обработке, эмпирически выявляемых переменных, соотносящихся со свойствами источника новостей или условий их производства, с одной стороны, и характеристиками потребителей и оказываемого на них **воздействия** — с другой. Весь корпус текстов массовой коммуникации, и тексты новостей в особенности, требует, помимо этого, изучения их самих как особого типа языкового употребления и особого типа текстов, относящихся к специфической социокультурной деятельности.

Это означает, прежде всего, что тексты массовой коммуникации следует анализировать с точки зрения их собственной структурной организации, на различных уровнях описания. Такой структурный анализ не ограничивается лингвистическим описанием фонологических, морфологических, синтаксических Или семантических структур изолированных слов, словосочетаний или предложений, как это принято в структурной или порождающей лингвистике. Тексты характеризуются и более сложными, относящимися к более высокому уровню свойствами, такими, как отношения связности между предложениями, общая тематическая структура, схематическая организация, и рядом стилистических и риторических параметров. Тексты массовой коммуникации, представленные в письменной или устной форме как в форме монолога, так и в форме диалога, получают при таком подходе комплексное описание как их общей организации, так и специфических свойств. Таким путем мы можем, например, описать структуру и функцию заголовков и вводов (leads) в текстах газетных сообщений, так же как и стилистические **особенности**, линейную и тематическую организацию таких текстов. Точно так же тексты интервью или бесед со знаменитостями, то есть тексты, являющиеся одной из форм диалогического взаимодействия в сфере массовой коммуникации, могут исследоваться с точки зрения изменения в них ролей говорящих, линейной упорядоченности, использования различных стратегий.

И все же это еще не все. Изучение дискурса не ограничивается эксплицитным описанием структур самих по се-

бе. Результаты исследований дискурса в области таких различных дисциплин, как теория речевой коммуникации, когнитивная психология, социальная психология, микро-социология и этнография, показали, что дискурс не является лишь изолированной текстовой или диалогической структурой. Скорее это сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщения. Хотя основательный структурный анализ уже сам по себе важен в изучении процесса массовой коммуникации, все же главным здесь является расширенное понимание контекстуальной перспективы дискурса, особенно значимой в исследовании текстов массовой коммуникации. Направленный таким образом **дискурсный** анализ может также привести к новому пониманию тех процессов производства и использования сообщений, которые справедливо считаются наиболее значимыми в изучении массовой коммуникации. Новое при таком подходе видится в следующем: многие факторы и условия производства текстов массовой коммуникации, от экономических условий до социальных и институциональных процедур выпуска текстов новостей, теперь могут быть эксплицитно соотнесены с различными структурными характеристиками этих текстов. То же верно и для процессов восприятия: понимание, запоминание и воспроизведение информации, содержащейся в текстах новостей, теперь могут изучаться в аспекте их обусловленности текстуальными и контекстуальными (когнитивными, социальными) особенностями процесса коммуникации.

СТАНОВЛЕНИЕ ДИСКУРСНОГО АНАЛИЗА

Обращение к **дискурсному** анализу при исследовании средств массовой коммуникации началось сравнительно недавно; поэтому необходимо краткое введение для обоснования предпосылок и развития этого нового подхода (подробнее об этом см.: van Dijk, 1985 с). В то же время такой беглый исторический очерк может показать междисциплинарные основания и теоретическую и методологическую разнородность области **дискурсного** анализа.

Хотя историю этого направления исследований дискурса, находящегося на стыке разных наук (ср. нем. „Textwissenschaft“), можно проследить до античных трактатов по риторике и поэтике более чем 2000-летней **давно-**

сти, его современное развитие началось в середине 1960-х гг. Как и структурная, и порождающая грамматики в лингвистике, современный **дискурсивный** анализ, находящийся под методологическим влиянием этих грамматик, основан на исследованиях в области антропологии и этнографии и связях этих дисциплин с поэтикой и семиотикой. В период развития русского формализма (в годы до и после Октябрьской революции) антропологи, лингвисты и литературоведы представили первый опыт **простейшего** структурного анализа различных типов текста (**Erlich**, 1965). И до сих пор, думается, наиболее **важным** исследованием такого плана, подключающим к анализу многие другие дисциплины, явилось исследование морфологии русской сказки, предложенное Владимиром Проппом 60 лет назад (**Propp**, 1928, 1958).

Структурализм, семиотика, нарративный анализ и этнография

Неизвестные на Западе в течение десятилетий исследования Проппа и работы других ранних формалистов способствовали возникновению структурной антропологии Клода **Леви-Стросса** (**Lévi-Strauss**, 1958; **Lévi-Strauss**, 1960) в 1960-х гг. Вместе с **ростом** структурной лингвистики и ее достижениями работы Леви-Стросса по анализу мифов и первые переводы работ русских формалистов на французский язык (**Todorov**, 1966 b) способствовали развитию направления, которое теперь известно под названием французского структурализма. Главной особенностью этого структуралистского подхода является его интерес к анализу повествования. **Исследование** литературных рассказов и обыденных историй, затем анализ фильмов и социальных мифов, которые **основываются** преимущественно на методах языкознания, представлены в работах Барта (**Barthes**, 1966), **Греймаса** (**Greimas**, 1966), Тодорова (**Todorov**, 1966 a; **Todorov**, 1969), **Кристевой** (**Kristeva**, 1969), Эко (Есо, 1966; Eco, 1976), Меца (**Metz**, 1966), Бремона (**Bremond**, 1964; **Bremond**, 1973) и многих других („Communications", 1964; „Communications", 1966; см. также Culler, 1975). Хотя первые исследования такого рода начали появляться примерно в 1964 г., их социокультурный контекст и оказанное ими влияние на читателей связаны со студенческими волнениями 1968 г. и последовавшими изменениями в сфере высшего образования в том же году

и в последующие годы. В 1970-х гг. стало наблюдаться быстрое распространение структурализма этого направления и в Европе и в США, однако наиболее значительным и продолжительным воздействием этого направления было в **романоязычных** странах Европы, Северной и Южной Америки.

Связующим элементом в этом очень широком наборе различных направлений было возрождение новой дисциплины, а именно семиотики (франц. **sémiologie**), на основе нескольких родственных дисциплин в области социальных наук (Morris, 1938) и гуманитарных наук (**Barthes**, 1964; **Eco**, 1976). Как общая теория знаковой деятельности семиотика дала равную возможность антропологам, литературоведам, лингвистам и социологам изучать значение и обозначение в терминах, позволяющих устанавливать междисциплинарные соответствия и связи. Помимо широкоизвестных семиотических исследований мифов, рассказов, поэтических произведений, семиотика стимулировала также усиленный интерес к изучению различных явлений культуры и общественной **жизни**, которые ранее не пользовались вниманием со стороны традиционных научных дисциплин, например к изучению жестикуляции, национальных флагов и символов, к исследованию кино, рекламы, комиксов и других средств массовой информации. (Многие из этих работ были впервые опубликованы в широкоизвестном журнале „Communications“.) Семиотический подход в дальнейшем оказал воздействие и на исследование средств массовой коммуникации и новостей (Bentele, 1981; Hartley, 1982).

В то же самое время в другой части Европы структурная антропология также пробудила интерес к систематическому анализу мифов и сказок (**Dundes**, 1964; **König-Maranda** and **Maranda**, 1971). И лишь исследование в области лингвистической антропологии, разрабатываемой в США, заложили основы для широкого изучения дискурса и коммуникативных явлений. Благодаря деятельности таких ученых, как Хаймс и Гамперц, середина 1960-х гг. была отмечена возникновением этнографии устной речи и этнографии коммуникации (**Hymes**, 1964; **Gumperz** and **Hymes**, 1972). Помимо структурного анализа мифов, сказок, рассказов, песен, различных типов повседневного устного общения, в рамках данного подхода производилось исследование общего этнографического контекста таких дискурсов, в том числе особенностей их коммуникативной реализации, а также

социальных и культурных условий их употребления (Bauman and Sherzer, 1974; Saville-Troike, 1982; Gumperz, 1982a; Gumperz, 1982b).

Анализ речевого общения

Вторым важным источником современного дискурсного анализа следует признать микросоциологию. Исходя из существенно отличающихся теоретических и феноменологических ориентации, различные социологи, такие, как Гoffман (Goffman, 1959; Goffman, 1967), Гарфинкель (Garfinkel, 1967) и Сикурель (Cicourel, 1973), сосредоточивают внимание на изучении повседневного речевого общения и значениях и интерпретациях, лежащих в его основе. Такая направленность исследований вскоре породила особый интерес к одному из наиболее обыденных и в то же время наиболее своеобразных видов повседневного речевого общения — разговору, беседе (Sudnow, 1972; Schenkein, 1978). Движение в этом направлении было положено работой Сакса, Щеглова и Джефферсона (Sacks, Schegloff and Jefferson, 1974) о смене ролей в разговоре; вслед за этим методы анализа речевого общения быстро распространились на другие дисциплины, такие, как социолингвистика и этнография, и теперь этот анализ является одной из основных парадигм в обширной сфере дискурсного анализа. Анализ речевого общения не только привлек устойчивое внимание к неформальным типам устной речи, но и оказал влияние на изучение других типов диалогического взаимодействия: текстов „врач — пациент“, „учитель — ученик“, текстов общения при встречах, интервью при найме на работу (Sinclair and Coulthard, 1975; Labov and Fanshel, 1977; Mehan, 1979; см. также van Dijk, 1985c, vol. 3; Atkinson and Heritage, 1984; McLaughlin, 1984).

Прагматика и социолингвистика

Третьим направлением, важным для становления дискурсного анализа, явились работы по философии, в том числе работы 1960-х гг. по анализу речевых актов (таких, как обещания или угрозы) Остина (Austin, 1962), Сёрля (Searle, 1969) и Грайса (Grice, 1967/1975). Они обеспечили базисную концептуальную структуру для рассмотре-

ния употребления языка с точки зрения прагматики, что позволило установить необходимую связь между языковыми высказываниями как лингвистическими объектами, с одной стороны, и социальными действиями, с другой (**Sadock**, 1974; **Parret**, Sbisa and Verschueren, 1981; **Leech**, 1983; **Levinson**, 1983). Первоначально большая часть этих исследований ограничилась рамками высказываний, состоящих из **одного изолированного** предложения. Однако оказалось, что ранее не исследовавшиеся прагматические связи между лингвистическими структурами и социальными действиями важны и при анализе текста как последовательности речевых **актов**, и при анализе отношений между текстом и контекстом (van Dijk, 1981).

Четвертым источником влияния на **дискурсный** анализ была зарождающаяся в середине 1960-х гг. социалингвистика (**Fishman**, 1968). Социалингвистика предложила заменить достаточно абстрактное, **внеконтекстное изучение** языковых систем методами структурной или порождающей грамматик эмпирическим исследованием реального использования языка в определенном социальном **контексте** (**Giglioli**, 1972; **Dittmar**, 1976). Основное внимание социалингвистики было сосредоточено на том влиянии, которое оказывают социальные факторы (принадлежность к определенному классу, роду, этническому типу и под.) на лингвистическую вариативность; социалингвистика отвергает устоявшееся представление об однородности языковой общности, владеющей одним и тем же языком. Под влиянием таких работ, как работы Эрвин-Трипп (**Ervin-Tripp**, 1969) и Лабова (**Labov**, 1972a; **Labov**, 1972b), изучение реального функционирования языка, естественно, привело к анализу стилистической вариантности и различных типов дискурса, таких, как речевое общение „родителя и ребенка“, рассказы в повседневной речи, словесные дуэли между юношами-неграми. Как и другие вышеупомянутые дисциплины, современная социалингвистика в значительной степени сливается с анализом социальных типов дискурса (**Stubbs**, 1983).

Обработка текста с точки зрения психологии в искусственного интеллекта

Пятый источник **определяется** сменой парадигм, осуществившейся в конце 1960-х — начале 1970-х гг. в пси-

ХОЛИНГВИСТИКЕ, когнитивной психологии и в области искусственного интеллекта: вскоре после периода сближения с порождающими грамматиками в рамках анализа предложения психология обнаружила „заманчивую" сферу **исследования** — **область** обработки текста с возможными выходами в область педагогической психологии (**Freedle and Carroll**, 1972; **Kintsch**, 1974). Восприятие, запоминание, репрезентация в памяти, воспроизведение текстовой **информации** — **вот** основные процессы, которые исследовались в рамках этого плодотворного научного направления (обзор работ и список рекомендуемой литературы см. в: **van Dijk and Kintsch**, 1983). Исследование этих процессов проводилось в основном на материале рассказов, благодаря по крайней мере тем из американских исследователей, кто воспринял структурный анализ повествования (**van Dijk**, 1980 b). В исследованиях по искусственному интеллекту внимание также **сосредоточено** на рассказах, результаты такого анализа особенно важны для компьютерного моделирования значительных по своему объему знаний (организованных в сценарии), необходимых для интерпретации дискурса. (**Schank and Abelson**, 1977).

Лингвистика текста

Наконец, и сама лингвистика, отчасти под влиянием структуралистских работ по анализу повествования, постепенно **выходит** за рамки одного предложения. Во многих странах, особенно в Западной **Европе**, в конце 1960-х гг. предпринимаются первые попытки разработки **грамматики** текста и теории текста (**Petöfi**, 1971; **Dressier**, 1972; **van Dijk**, 1972; **Schmidt**, 1973; для введения в проблему см.: **Beaugrande and Dressier**, 1981; **Beaugrande**, 1980). Такие теории призваны были **выявить** закономерное сочетание предложений, а также предоставить возможность высокоуровневой семантической интерпретации текста в терминах макроструктур (**van Dijk**, 1980 a). В Великобритании многие ученые проявляли интерес к структурам дискурса, особенно под влиянием так называемой системной грамматики, развиваемой **Хэллидеем** (**Halliday and Hasan**, 1976; **Benson and Greaves**, 1985). В этих работах по лингвистике текста было выявлено, что позиция в тексте и выполняемая функция определяют не только любопытные свойства последовательностей предложений или целых

фрагментов текста, но и особенности фонологической и синтаксической структуры, а также варианты семантической интерпретации предложений. Сходные наблюдения характерны и для грамматики дискурса, развиваемой в США (Givón, 1979). Такие различные направления **дискурсного** анализа впервые дали возможность эксплицитно охарактеризовать **отношения**, существующие между грамматическими структурами текста, с одной стороны, и другими структурами текста, например **нарративными**, — с другой.

Становление дискурсного анализа как нового междисциплинарного направления

В начале 1970-х гг. результаты работ в этих разных направлениях дискурсного анализа получали отражение в монографиях, специальных выпусках журналов, в материалах конференций и в других институциональных формах. В это время, однако, названные направления были относительно автономны. До конца 1970-х гг. стремление к интеграции и взаимное обогащение еще не были характерны для данных областей научного поиска. То, что первоначально представляло автономные линии развития в отдельных научных дисциплинах, быстро превращалось в одну из отраслей формирующейся дисциплины, называемой то **дискурсным** анализом, то исследованием дискурса, то лингвистикой текста (см. van Dijk, 1985 c). Выходит два международных специализированных журнала — „Text” и „Discourse Processes”, целиком посвященных исследованиям в этой новой области, стоящей на стыке нескольких научных дисциплин; работы этого направления **обсуждаются** на отдельных секциях различных конференций, посвященных вопросам гуманитарных и социальных наук. К дисциплинам, стоящим у истоков этой новой области **исследований**, вскоре присоединились история и правоведение (уделяющие особое внимание различного рода текстам) и, наконец, теории речевой и массовой коммуникации.

Такой взгляд на возникновение дискурсного анализа как науки, состоящей из нескольких областей исследования, тесно связанных со своими исходными дисциплинами, дает лишь частичное представление об исследовательской работе в этом направлении. В языкознании, вероятно, речевым актам посвящено гораздо больше исследований, чем в философии, то есть той дисциплине, где

была впервые разработана теория речевых актов. Точно так же и дискуссии о теоретической, методологической и эмпирической пригодности грамматик рассказа были **гораздо** более оживленными, широкими и даже более плодотворными в психологии и в области искусственного **интеллекта**, чем в литературоведении, семиотике и антропологии, вместе взятых, породивших само понятие **грамматики** рассказа. Другими словами, новую дисциплину можно рассматривать с точки зрения изучаемых ею проблем и объектов анализа, при этом нередко требуется выход за границы исходных научных дисциплин.

Существуют также различия между тем, что может быть достаточно приблизительно названо типами **дискурсного** анализа в разных странах. Так, например, особенности построения новой теории, процедуры исследования, описания, а также различия в философских и даже политических взглядах отличают англоязычные работы по **дискурсному** анализу от существующих концепций **дискурсного** анализа в романоязычных странах, несмотря на все возрастающее число **заимствований**, наложений, взаимопереводов и, следовательно, взаимное влияние. Вообще говоря, **дискурсный** анализ в англоязычных **работах** характеризуется продолжающимся воздействием со стороны структурной или порождающей **лингвистик**, когнитивной психологии, прагматики и микросоциологии. В отличие от своих собственных предшественников **1960-х** и ранних **1970-х** гг. некоторые известные французские школы (находящиеся под влиянием идей **Альтюссера**, **Фуко**, **Деррида** и /или **Лакана**) отличаются большей философской направленностью **дискурсного** анализа, сопровождаемого частыми ссылками на идеологические, исторические, психоаналитические и неомарксистские работы, особенно в сфере литературного анализа (**Culler**, 1980). Стиль некоторых работ такой ориентации отличается также большей **метафоричностью** и поэтому труден для „**непосвященных**“.

Этот вариант дискурсного анализа, развиваемый во Франции, благодаря его историческим и политическим посылкам, способствовал появлению широко известных культурологических и идеологических работ социологов и специалистов по массовым коммуникациям в Англии, например исследований Центра по изучению современной культуры (CCCS) в **Бирмингеме** (**Hall, Hobson, Lowe and Willis**, 1980; о практическом использовании анализа новостей см. **Hartley**, 1982).

Проведенное различие направлений исследования является довольно огрубленным. Так, например, в **англоязычной** традиции следует отличать ученых, работающих строго в рамках анализа речевого общения, от исследователей других типов дискурса. Первая группа ученых достаточно близко придерживается исконных микросоциологических методов, идущих от феноменологической социологии; вторая группа более свободно пользуется методами анализа речевого общения, лингвистики, психологии, других социальных наук. Новости в прессе являются формой письменного или каким-либо другим образом зафиксированного и заранее обдуманного дискурса, поэтому мы остановимся на теориях, имеющих дело со структурами письменных текстов. Такая направленность позволяет нам, однако, упоминать работы и других ориентации и стилей, когда в них исследуются те же явления или проблемы.

СТРУКТУРА ДИСКУРСА И СООБЩЕНИЯ-НОВОСТИ

При изучении новостей внутренней жизни и международных новостей, отражаемых в прессе, мы используем ряд теоретических понятий из области **дискурсного** анализа, которые требуют вводных пояснений. Мы выше отмечали, что подходы к изучению текстов и диалогов как в рамках дискурсного анализа, так и вне его существенно различаются в зависимости от теорий, методов, школ, а также индивидуальности отдельных ученых. В этом отношении дискурсный анализ едва ли отличается от других дисциплин в области социальных и гуманитарных наук. И все же, не пытаясь примирить все точки зрения и вывести какой-либо общий знаменатель, во введении мы упоминаем некоторые из основных широко и эффективно используемых теоретических понятий. Некоторые из этих понятий и объединяющая их общая структура описания, лежащая в основе данного введения, уже были рассмотрены нами в предыдущих работах по **дискурсному** анализу (van Dijk, 1972; van Dijk, 1977; van Dijk, 1980a; van Dijk, 1981).

Дискурс как коммуникативное событие

Выше указывалось, что дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим

образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта. Преимущество такого понимания состоит в том, что **дискурс**, нарушая интуитивные или лингвистические подходы к его определению, не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, то есть рамками текста или самого диалога. Анализ разговора с особой очевидностью подтверждает это: говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию. В этом смысле беседа, собрание, слушание дела в суде, урок в **классе** — **все** они могут быть названы сложными коммуникативными событиями. Такие события можно далее расчленить на более мелкие коммуникативные акты, такие, как история в разговоре, иск адвоката в суде, объяснение урока учителем в классе. Некоторые из этих явлений, например рассказы или дискуссии, могут проявлять качества, которые характерны для коммуникативных актов и дискурсов в другом социальном окружении.

В письменных или печатных типах дискурса такая **интеракциональная** природа этого явления менее заметна: писатель, **текст**, читатель находятся не в таком тесном взаимодействии в пределах единой ситуации, локализованной в пространстве и времени. Но даже и в этом случае следовало бы проанализировать тексты с точки зрения динамической природы их производства, понимания и **выполняемого** с их помощью действия. Например, анализ значения дискурса, который представляется нам очень важным, может до определенного момента ограничиваться отвлеченным описанием значения самого текста, но эмпирически было бы более правильным говорить о значениях, выраженных с помощью самого высказывания или созданных им, или о значениях, **возникших** в процессе публикации текста писателем, или о значениях, которые приписываются тексту или извлекаются из него читателем. В этом случае, при определении значения дискурса, нужно учитывать значения, общедоступные для участников коммуникации, знание языка, знание мира, другие установки и представления. Следует добавить, что **писатели** создают формы и значения, которые предположительно понятны читателю или которые могут быть эксплицитно ему адресованы, которые возбуждают реакции и которые вообще ориентированы на получателя, как это происходит в разговоре. В случае письменной **коммуника-**

ции писатели и читатели участвуют в процессе **социокультурного** взаимодействия.

Все эти характеристики относятся **и** к текстам новостей. В узком смысле слова мы можем отвлеченно исследовать структуры сообщений новостей, определяемых в качестве особого вида социального дискурса. И все же (с этим более подробно мы ознакомимся ниже) рассматриваемые структуры новостей могут быть адекватно поняты только в одном случае: если мы будем анализировать их как результат когнитивной и социальной деятельности журналистов по производству текстов и их значений, как результат интерпретации текстов читателями газет и телезрителями, производимой на основе опыта их общения со средствами массовой информации.

Однако было бы, вероятно, полезным различать когнитивную обработку текста или социальные параметры коммуникации, осуществляемой посредством текстов, с одной стороны, и структуры самих текстов массовой коммуникации, с другой. В нашем исследовании мы сосредоточим внимание на структуре текстов новостей и лишь изредка будем соотносить эти структуры с их когнитивными, социальными и политическими контекстами; последние были довольно подробно описаны в других работах, посвященных новостям и средствам массовой коммуникации (**Gans, 1979; Tuchman, 1978; Fishman, 1980**). (Дальнейшее теоретическое описание структуры новостей и проблем когнитивной обработки в производстве текстов и их понимании см.: van **Dijk, 1987e**.)

Грамматический анализ

Структурное теоретическое исследование позволяет нам выявлять различия между отдельными уровнями и параметрами дискурса. При реальном продуцировании текстов и их восприятии пользователями языка обработка текста может идти на всех уровнях почти одновременно; каждый из этих уровней обработки может быть стратегически использован для извлечения максимума информации. Некоторые из этих выделяемых в теории уровней дискурса традиционно описываются методами лингвистических грамматик, то есть систем правил и категорий для теоретического анализа звуков, слов, синтаксических **структур**, а также их значений. Таким путем мы получаем соответственно фонологическое, морфологическое, синтаксическое и семантическое описание предложений.

В грамматиках дискурса, имеющих дело с последовательностями предложений, такие описания относительно: характеристики какой-либо синтаксической структуры (например, порядка слов) или значение предложения могут зависеть от характеристик других предложений дискурса. Так, местоимение типа she **'она'** используется только для обозначения девушки или женщины, о которых уже ранее шла речь в тексте (ранее они могли быть обозначены, например, с помощью слов my girlfriend **'моя подружка'**, an actress **'актриса'**) или которые известны или могут быть узнаны слушателем на основе другой информации. Задача лингвистов — **выявить** такие структуры с эксплицитным представлением всех их особенностей и, самое главное, выработать **теоретическое** описание и объяснение потенциальных грамматических структур конкретного естественного языка.

Когда мы исследуем особые типы дискурсов, такие, например, как газетные новости, нашей задачей является описание не просто структур, возможных в таких сообщениях, а грамматических структур, предпочтительных или типичных для дискурсов данного вида. Это значит, что мы имплицитно сравниваем их со структурами в других видах дискурса или контекста, а это в свою очередь предполагает возможную вариативность грамматических структур в различных контекстах. Такая **вариативность** — область стилистики, дисциплины, которая не только описывает возможные типы варьирования в различных видах дискурса, но которая ставит себе целью объяснить связи между различными вариантами языкового **употребления**, с одной стороны, и индивидуальными и социальными контекстами, с другой. Так, в официальных ситуациях и в письменных текстах мы стараемся использовать язык официального общения и более сложные, более полные, грамматически более правильные предложения, чем в **неформальных** разговорах. Такие социальные факторы, как общественное положение, обладание властью, пол или этническая принадлежность, также оказывают влияние на стилистическую вариативность (Sebeok, 1960; Sandell, 1977; Scherer and Giles, 1979).

И в текстах „качественной“ прессы (и особенно в них), и в текстах новостей, как правило, используются длинные, сложные предложения; в них много **номинализаций**, например disruption **'разрушение'** вместо they disrupted... **'они разрушили...'**; нередко здесь используется и „официальный“ жаргон, заимствованный в основном у **полити-**

ков. Иногда в текстах новостей используются синтаксические структуры, редкие в других формах дискурсов, например инвертированные повествовательные предложения. Вместо предложения: *Reliable sources declared that Libya has been attacked by the US Air Force* **‘Как** сообщили достоверные источники, Ливия была атакована военно-воздушными силами **США**’ используется: *Libya has been attacked by the US Air Force, reliable sources declared* **‘Ливия** была атакована военно-воздушными силами **США**, сообщили достоверные **источники**’. Ниже мы покажем, что выдвигание важной информации на первое место является общим структурным свойством газетных сообщений новостей. Это качество мы обозначаем **общим** термином „структурирование по принципу релевантности” (*relevance structuring*).

Грамматический анализ использования языка в текстах прессы обнаруживает и общую направленность сообщений какого-либо журналиста или всей газеты. Синтаксис предложения отражает распределение семантических ролей участников события: либо порядком слов, либо различным функциональным соотношением элементов (субъект, объект), либо использованием активных или пассивных форм. В заголовке типа *Police kills demonstrator* **‘Полиция** убивает **демонстранта**’ „полиция” стоит на первом **месте** — **месте** субъекта, что указывает на роль агенса, деятеля. В пассивной конструкции *Demonstrator killed by police* **‘Демонстрант, убитый полицией**’ „полиция” также находится в роли агенса, но в этом случае „демонстрант” стоит на первом месте, месте субъекта. Это указывает на то, что „полиции” здесь отводится менее значимая роль. Наконец, заголовок *Demonstrator killed* **‘Демонстрант убит**’ может придать „полиции” имплицитную роль. В то же время заголовок становится синтаксически двусмысленным: его можно понять и как описание события, в котором убийцей был демонстрант (ср. *Demonstrator killed* **‘Демонстрант убил**’), или вообще ассоциировать участников демонстрации с убийством. Грамматический анализ синтаксиса газетных сообщений показал, что дело именно в этом: журналисты стараются использовать такие „понижающие” (*downgrading*) синтаксические структуры и имплицитные обороты, чтобы затушевать отрицательные роли правящей элиты (Fowler, Hodge, Kress and Trew, 1979).

Таким же образом направленность теленовостей может быть выражена определенными кинокадрами, снятыми

с сочувствием либо к полиции, либо к ее „противникам“, то есть к демонстрантам, забастовщикам, скваттерам. В исследованиях Группы по изучению средств массовой коммуникации университета Глазго (1976; 1980; 1982) внимание ученых было привлечено также к скрытой, имплицитной направленности сообщений и к оценкам в использовании таких слов, как „забастовка“ или „беспорядки“ (см.: **Halloran, Elliot and Murdock, 1970**, где представлен серьезный анализ самого явления „демонстрации“ и различного употребления слов, обозначающих участников демонстраций).

Дискурс как связная последовательность предложений

Дискурс и, следовательно, тексты новостей не состоят из изолированных предложений. Помимо структур, описанных лингвистикой и традиционными грамматиками предложения, были выдвинуты и другие структуры дискурса. Первым и очевидным шагом в этом направлении является изучение структур последовательностей предложений. Это означает, в частности, что синтаксис и семантика предложения в дискурсе описываются с учетом структур и интерпретации соседствующих, обычно **предшествующих**, предложений того же текста. Порядок слов и функции, **выполняемые** ими, лежащие **в** их основе семантические роли могут зависеть от такого текстового **окружения** (**Givón, 1979**). Так, если в последовательности предложений говорится в основном о действиях участников **демонстрации**, то, соответственно, слово „демонстранты“ **следует** расположить на первом месте, месте субъекта, которое указывает на выполнение этой составляющей роли топика. Далее может следовать пассивное предложение типа They **were** harassed by the police ‘**Они** были измучены **полицией**’, а не предложение The police harassed them ‘**Полиция** измучила **их**’. Другими словами, идеологически пристрастная точка зрения выражается не только в использовании определенных структур предложения, но также и в зависимости синтаксиса и семантики от текста. Точно так же, если мы ввели в текст участника действия, то далее в тексте он может обозначаться с помощью личного местоимения (they ‘**они**’), указательного местоимения (those people ‘**те люди**’) или полной, повторяющейся или новой дескрипции (the demonstrators ‘**демонстранты**’ или the hooligans ‘**хулиганы**’). Эти и другие по-

верхностные структуры, используемые в качестве **сигналов** лежащей в их основе семантической связности (**coherence**), описываются обычно как свойства **когезии** (Halliday and Hasan, 1976). Существуют правила и **определенные** стратегии установления когезии, и важно выяснить, проявляют ли какие-либо предпочтения или отклонения от этих правил все тексты новостей или лишь особые типы таких текстов.

На семантическом уровне анализ дискурса как последовательности предложений дает возможность изучать соотнесенные друг с другом интерпретации: значение или референция слов, несамостоятельных или самостоятельных предложений рассматриваются как функция от значений и референций, закрепленных за предшествующими предложениями. Этот аспект дискурса часто описывают с точки зрения локальной или последовательной связности (когерентности) (van Dijk, 1977). В упрощенном виде основное правило семантической связности состоит в том, что предложение *A* связано с предложением *B*, если *A* относится к ситуации или событию, которое является возможным (вероятным, необходимым) условием существования ситуации или события, к которому относится *B* (или наоборот). Так, последовательность *We went to the beach yesterday. We did a lot of surfing* '**Вчера** мы ходили на пляж. Мы много занимались **сёрфингом**' согласно этому правилу является семантически связной (посещение пляжа позволяет заниматься сёрфингом). А последовательность *We went to the beach yesterday. The price of the dollar dropped by 10% last year* '**Вчера** мы ходили на пляж. Курс доллара упал на 10% в прошлом **году**' не является семантически связной, так как посещение пляжа не является событием такого типа, которое могло бы повлиять на изменение курса доллара. Поэтому правило семантической связности можно перефразировать еще проще: текст является семантически связным, если он описывает возможную последовательность событий (действий, ситуаций). Следовательно, семантическая связность зависит от наших знаний и суждений о том, что возможно в этом мире.

Роль знаний в интерпретации

Принцип информационной связности текста также показывает, что семантика дискурса не является автоном-

ной в том смысле, что достаточно знать лишь лексические значения слов и их сочетаний. Нам необходимо и знание о мире и, следовательно, необходим когнитивный и социальный анализ знаний носителей языка в рамках определенной культуры, анализ того, как они используют эти знания в процессе интерпретации дискурса вообще и в установлении связности текста в частности. Признание важности именно этих факторов способствовало тому, что когнитивная психология и искусственный интеллект стали играть такую значительную роль в изучении процессов интерпретации дискурса. С этой точки зрения анализ организации и использования знаний и убеждений, хранящихся в памяти, становится столь же важным, как и описание той роли, которую играют структуры дискурса в понимании текста. Анализ показал, что такие знания должны быть эффективно организованы в особые кластеры, так называемые сценарии, содержащие всю общедоступную в данной культуре информацию о конкретном стереотипном варианте какого-либо эпизода. У людей могут быть одинаковые сценарии для таких форм поведения, как совершение покупок в супермаркетах, прием гостей в день рождения или выход на демонстрацию (Schank and Abelson, 1977).

Как и в любом другом виде дискурса, средства массовой информации в значительной степени полагаются на общедоступные знания и суждения в связном и всем понятном изображении тех событий, которые требуют организации знаний в форме сценариев: сценариев о гражданской войне, о террористическом акте, о политическом митинге, о голосовании или о „революции“.

Эти политические сценарии определяют и социальные установки, так как включают мнения и суждения, основанные на оценке событий определенными социальными группами. Из этого следует, что наше субъективное представление о семантической связности газетного сообщения может определяться тем, имеется или нет в нашем распоряжении соответствующий сценарий или социологическая установка. Это может иметь особое значение для понимания и оценки причин или оснований каких-либо действий или событий (Carbonell, 1979). При таком концептуальном подходе нам легче изучать различные по идеологической ориентации способы использования сценариев или установок в процессе сообщения новостей (например, когда описываются причины вторжения войск США в Гренаду, в сравнении с их не интервенционалист-

ской политикой в других странах Американского континента, таких, как Чили или Парагвай).

Макроструктуры

Следующая ступень анализа дискурса представлена более высоким или более глобальным уровнем, чем микроуровень слов, предложений и связей между предложениями. Если мы говорим, что текст новостей посвящен нападению США на Ливию, мы соотносим это сообщение не с **отдельными** предложениями или последовательностями предложений, а со всем текстом как целым. Это означает, что такие нечеткие термины, как „о (чем-то)“ или „топик (или тема) такой-то“, должны исследоваться на этом общем, глобальном уровне. Термин *семантическая макроструктура*, используемый в данной концепции, был введен для того, чтобы отразить этот важный аспект дискурса и его обработки. **Данный** термин эксплицитно показывает общие топики или темы текста и одновременно дает характеристику тому, что можно было бы назвать общей связностью (когерентностью) текста, так же как и его общими или основным смыслом (van Dijk, 1980a). В английском языке используется немало слов для обозначения наиболее важной информации, выраженной в сообщении, и это заставляет предположить, что носители языка часто полагаются на такую макроструктурную информацию. Макроструктуры выводятся из значений **предложений** (пропозиций) текста по правилам какой-либо (например, лингвистической) теории с помощью операции селекции, обобщения, конструирования. В когнитивной теории обработки дискурса эти правила действуют как не всегда надежные, но эффективные макростратегии, которые дают возможность читателям извлекать топик текста из последовательности предложений (van Dijk and Kintsch, 1983). Эта процедура в значительной степени зависит от нашего знания о мире (сценариев). Сценарии позволяют сводить последовательности пропозиций, подобных U.S. planes flew to Libya. They **bombed** the harbor of **Benghazi**... ‘Самолеты США совершили налет на Ливию. Они бомбили порт **Бенгази**...’, к такой макропропозиции, ют топику, как: The U.S. attacked Libya ‘США напали на **Ливию**’, потому что мы знаем, что нападение может **быть** совершено с помощью самолетов, что обычно самолеты могут летать и сбрасывать бомбы, что сбрасывание бомб является одним из способов нападения. Обладая одним

и **тем** же сценарием военно-воздушного нападения, мы в состоянии понять газетные сообщения о таком **нападении** и приписать им глобальную связность или глобальный топик, или тему.

Макроструктуры и когнитивные операции, в которых эти **макроструктуры** используются, являются определяющими как в процессах производства текстов **новостей** — в работе корреспондентов и **редакторов**, — так и в процессах восприятия, накопления, запоминания и дальнейшего воспроизводства информации потребителями. **Использование** возможностей макроструктурирования объясняет, как газетчики (newsmakers) привычно, изо дня в день суммируют несметное число текстов-источников (сообщения **других** средств массовой **информации** — **телеграфные** сообщения, интервью, отчеты, материалы пресс-конференций), лежащих в основе производства **какого-либо** отдельного газетного сообщения. Теория макроструктур предоставляет возможность исследовать особые характеристики заголовков и вводов (leads), в которых **субъективно** обобщается остальная часть сообщения (van Dijk, 1985c). И, наконец, именно выделение макроструктур делает понятным, почему в памяти читателей удерживаются только основные топики, то есть высшие уровни макроструктуры газетного сообщения (**Höijer and Findahl, 1984; van Dijk, 1987c**).

Суперструктуры, схемы новостей

Как для выражения и организации значений предложения необходима синтаксическая форма, так **необходима** форма и для организации общего значения или макроструктуры текста как целого. Схематическая суперструктура и является такой формой. Схема может быть задана набором характерных категорий и набором правил или стратегий, определяющих **порядок** следования этих категорий. Так, у нас, в нашей культуре, мы все придерживаемся одной нарративной схемы, в которой представлены следующие категории: Краткое Содержание, Обстановка (**Setting**), Направленность, Осложнение, Развязка, Оценка и Кода. Эти категории могут быть использованы даже в рассказах в обиходном общении (**Labov and Waletzky 1967; Labov, 1972c; Labov, 1982**). Если одна из обязательных категорий отсутствует, адресат может заключить, что рассказ не закончен, у него нет смысла или это вообще не рассказ. Многие часто используемые

типы дискурса также демонстрируют присущую им суперструктуру, так как это облегчает процессы производства и восприятия текста. Если мы знаем или догадываемся, что текст, который предстоит **воспринять**, — **рассказ**, то можно активизировать имеющиеся у нас, применительно к нашей культуре, конвенциональные знания о схеме рассказа. Это облегчит приписывание особых нарративных функций соответствующим эпизодам текста („должно быть, это Осложнение“). Без использования макроструктур и суперструктур нам пришлось бы интерпретировать текст и выявлять его связность только на микроуровне, а построение структур высшего уровня возможно было бы применительно лишь к отдельно взятому тексту. Как показали экспериментальные исследования, для носителей языка это очень трудно, если не невозможно. Отсюда следует, что глобальные структуры, отражающие и тематическое содержание, и схематическую форму, являются определяющими в теоретическом анализе; они же очень важны и в реальных процессах производства и понимания **текста**.

Газетные сообщения ежедневно публикуются тысячами; согласно определенным жестким ограничениям, накладываемым профессиональной практикой, составом различных сотрудников, периодом времени, предельными сроками подачи материала эти газетные сообщения тоже должны быть организованы посредством такой схемы, схемы новостей (van **Dijk**, 1986). Это означает, что некоторые части текста новостей могут выполнять конвенциональные функции, которые рассматриваются как обязательные или факультативные категории формальной организации текста. Общеизвестна категория Краткого Содержания, составленная, соответственно, из Заголовков и **Вводки**. Корпус текста демонстрирует также такие различные схематические функции, как Главное Событие, Фон, Контекст, История, Вербальные Реакции или Комментарии, каждая из которых при дальнейшем анализе может быть расчленена на более мелкие категории. Например, категория Комментариев может быть разделена на Оценку и Перспективы, где корреспондент или редактор могут дать оценку событиям-новостям. Журналисты также привыкли, хотя и не в такой прямой форме, искать информацию, которая соответствовала бы данным категориям, например когда журналист пытается найти предпосылки (или описать фон) происшедших событий. Другими словами, структуры новостей, такие, как **формаль-**

ные конвенциональные схемы, могут быть соотнесены с установившейся практикой производства текстов новостей или выведены на ее основе.

Специфическим свойством сообщений-новостей является то, что и макроструктуры (топики) и схема новостей, которая организует их, не представлены в тексте одной непрерывной последовательностью. Скорее они дискретны, появляются эпизодически, частями. Вершина макроструктуры такого текста новостей обычно дается в начале, то есть **на** первом месте; затем следует Заголовок (макропропозиция высшего уровня), затем **Вводка** (вершина макроструктуры), затем последовательно идут **макропропозиции** низших уровней сообщения, включающие детали содержания и менее важные категории схемы (например, Историю **или** Комментарии), располагаемые в самом конце. Конечно, это очень эффективная стратегия, которая допускает стилистическое варьирование в статьях разных корреспондентов или разных газет. **Для** читателя важно, что в принципе начало текста содержит самую важную информацию. Здесь опять налицо существенная связь между структурами текстов новостей и **стратегиями** их производства, с одной стороны, и использованием этих сообщений в контексте средств массовой информации, с другой. Это верно для газетных сообщений, но также верно и для теленовостей, которые выражают, как **правило**, **лишь** верхние уровни макроструктур газетных сообщений. **В сущности, теленовости** можно рассматривать как суммирование или резюме газетных текстов новостей.

Макроструктуры выводятся из текста или приписываются ему на основе наших знаний и убеждений, и поэтому эти структуры, конечно, подвержены межсубъектному **варьированию**: информация, являющаяся самой важной для одного человека или группы людей, может не быть таковой для других. Это означает также, что текст может быть тенденциозно тематически и схематически структурирован, например когда менее важную информацию помещают в заголовке или вводке или когда важную **информацию** помещают в конце сообщения, а то и **вовсе** опускают.

Структурирование по принципу релевантности

Особые условия производства и восприятия текстов новостей, так же как и их основные коммуникативные функции, определяют, как представляется, структуру этих

текстов на всех уровнях. Общим правилом является представление важной информации в начале сообщения. Это **правило** влияет не только на общую тематическую или схематическую организацию сообщения, но также и на **порядок** предложений в абзацах, описывающих какой-либо эпизод, или на порядок слов внутри самих **предложений** (где наиболее важные действующие лица стремятся занять первые места). Таким образом, этот особый параметр структурирования по принципу релевантности пронизывает весь текст, все его уровни. В то же время **исследование** направленного распределения информации в тексте соответственно степени ее релевантности позволяет изучать когнитивные, социальные и идеологические условия производства этих текстов, а также их обработку и, следовательно, запоминание и использование читателями.

Риторические структуры

Наконец, все структурные уровни текста находятся под влиянием риторического аспекта повествования. Если структурирование по принципу релевантности отражает **наиболее** важное в тексте, указывает на него, то некоторые другие специальные действия, используемые на каждом уровне, ориентированы на придание тексту большей убедительности. Хорошо известны приемы **фонологического** уровня, такие, как ассонанс или рифма; синтаксического уровня, например параллелизмы; семантические приемы, такие, как сравнения или метафоры. То же наблюдается и в новостях, где могут быть использованы слова, выполняющие функции гиперболы или преуменьшения, или где слова и предложения употребляются в значениях, способствующих созданию эффекта контраста или кульминации. Эти структуры содействуют более компактному представлению информации и тем самым они способствуют ее лучшему запоминанию, а, следовательно, усиливают воздействие. Они также могут ввести в действие особые сценарии или установки (например в тех случаях, когда демонстрация риторически изображается с точки зрения насилия) с помощью использования сравнений и метафор, заимствованных из сценариев военных действий (наступление, оборона и т. п.). Сообщения-новости изобилуют также и цифровыми данными (и **верными**, и неверными), чтобы обозначить точность сообщения и таким образом его объективность.

Резюме и заключение

Мы кратко обсудили основные структурные уровни письменного дискурса и использовали несколько основных теоретических терминов для установления упрощенной схемы анализа текстов новостей. Систематизированное описание новостей как типа дискурса представлено в кратком виде на рис. 1.

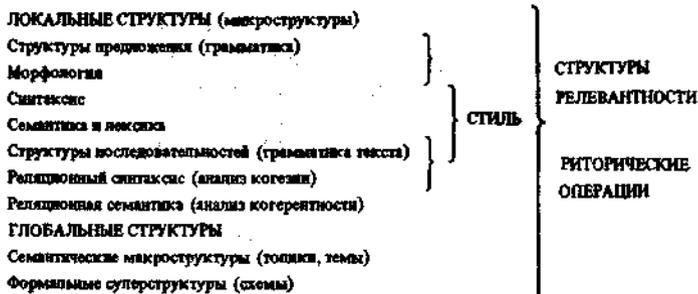


Рис. 1. Структуры дискурса.

Основное внимание мы сосредоточили на структурах, которые особенно важны для анализа текстов прессы. В устных сообщениях становится релевантным и фонологический уровень, например при анализе моделей интонации в предложениях или их последовательностях: разные модели могут быть использованы с особым семантическим или риторическим заданием, в целях эмфазы, преуменьшения или контраста. При анализе устной речи, особенно записанных на пленку интервью, необходимо также и дополнительный, диалоговый уровень анализа, который отражал бы правила, стратегии и структуры распределения ролей, паузирования, заминок и поправок, стратегических ходов (например, участники событий представляют себя только в положительном свете, а политических и идеологических врагов они рисуют только с отрицательной стороны). Диалоговый уровень включал бы в себя и другие качества контролируемой или спонтанной речи. Наконец, текст и устный разговор состоит не только из последовательностей предложений, но и из речевых актов. Последовательности речевых актов могут анализироваться на локальном и глобальном уровнях, мы можем выявить их локальную или глобальную связность, определить речевые акты макроуровня, прагматические фор-

мальные схемы. Такой тип **анализа** не столь важен для сообщений-новостей, большинство которых является **просто** последовательным рядом утверждений. Однако эти утверждения **могут** — **на** локальном или глобальном **уровнях** — **имплицитно** содержать вопросы, обвинения, защиту, советы или другие речевые акты. По сути, **социальная**, политическая или идеологическая ценность анализа новостей часто **зависят** от того, **насколько** эксплицитно выявлены значения, лишь подразумеваемые, прямо не выраженные, раскрыты имплицитные функции текстов новостей: при внимательном анализе то, что не сказано открыто, может оказаться более важным, чем то, что выражено эксплицитно или открыто подразумевается.

В дальнейшем при анализе материала будут использованы теоретические положения, представленные в этом разделе. Однако любой практический анализ, особенно анализ большого количества данных, ограничен определенными рамками. Интуитивно выявить основные топики сотен или даже тысяч текстов новостей еще **представляется** возможным, но невозможно определить во всех подробностях особенности их синтаксических, стилистических или семантических структур. В исследованиях такого типа мы ограничиваемся **качественным анализом** представительных выборок текста. К тому же теоретически обоснованный анализ может быть и систематическим, и эксплицитным, но совсем не обязательно он является релевантным с точки зрения соответствия целям самого исследования, его **проблемам**. Так, для доказательства идеологической предвзятости бессмысленно пытаться подробно выявить синтаксическую структуру всех предложений какой-либо выборки из текстов новостей. В лучшем случае такое описание было бы необходимо для комплексного качественного и грамматического анализа **синтаксических** структур языка газеты. При качественном анализе выборки предложений, направленном на обнаружение тех синтаксических средств, с помощью которых обозначаются роли участников **событий-новостей**, вопрос стоит несколько иначе: не как часто используются данные средства, а как они **используются**. Другими словами, у систематического анализа структур есть большие преимущества перед более интуитивным по характеру контент-анализом, особенно при подробном изучении текстов новостей, но при этом у него есть и определенные ограничения, очевидные при широком исследовании количественных аспектов этих текстов. **Тем** не менее анализ структур

текста может привести к четким определениям и новым аспектам рассмотрения тех единиц, которые **используются** в количественном контент-анализе, таких, как топики или как наличие или отсутствие особых схематических категорий, скажем, истории или контекста какого-либо события.

ОБРАБОТКА НОВОСТЕЙ КАК ТИПА ДИСКУРСА

Как мы **подчеркивали**, анализ дискурса не следует ограничивать структурами текстов или диалогов. Когда дискурсы получают определение как единицы вербального общения или как коммуникативные явления, к их реальной обработке или использованию в социальных или коммуникативных аспектах следует обращаться с позиций целостного, интегрированного подхода. В этом разделе обсуждаются некоторые аспекты связей, **существующих** между текстом и контекстом.

Здесь не стоит подробно рассматривать исторические, политические, **макросоциологические** характеристики текстов новостей, так же как и их качества как средств массовой коммуникации, поскольку все они уже были описаны в большинстве работ по анализу **новостей**. Важно было бы **показать**, как эти социально **ориентированные** качества новостей отражаются на обработке текстов и их структурах на микроуровне, как они выражаются и как вводятся в действие. Например, влияют ли экономические условия **производства** текстов новостей на их **схематические** структуры **или** структуры релевантности, и если влияют, то каким образом? Каким образом пол автора текста, его этническая или классовая принадлежность определяют тематические или стилистические **характеристики** этого текста? **Или**, наоборот, как **можно** с достоверностью вычислить эти макропараметры на основе анализа текстов?

Серьезная постановка и разрешение таких вопросов потребовали бы написания целой монографии. Здесь в **общих** чертах представлен план, необходимый для анализа материала в последующих главах книги, при этом особое внимание будет обращено на те аспекты, которые игнорировались в предшествующих исследованиях. Соотнесение текстов новостей с социальными макроструктурами вообще и с общественными институтами по производству **новостей**, такими, как институт средств массовой информации, в частности, требует такой теоретической стратегии,

с помощью которой можно было бы исследовать поочередно различные уровни. Например, прямая связь между историей или мировой экономикой, с одной стороны, и различными вариантами стилистического выбора в текстах новостей, с другой, маловероятна. Даже более тесные связи, существующие между способами институциональной организации или **социо-идеологическими** установками и формой сообщения или его стилем, требуют анализа нескольких промежуточных стадий.

Создатели и потребители текстов новостей как социальные субъекты

Нашей первой теоретической посылкой в этой сложной системе анализа является **признание** участников процесса создания/потребления текстов новостей (журналистов и аудитории средств массовой информации) „социальными субъектами" (social actors) и членами определенных социальных групп. Они являются представителями социума, наиболее близко стоящими к самому сообщению, так как именно они создают и интерпретируют эти тексты в общем коммуникативном контексте новостей. Деятельность этих социальных субъектов, их **социокультурная** активность, организация, общность **убеждений** или идеологии дают возможность соотнести тексты новостей с процессами их институционального и социального производства и потребления, а также с экономическими условиями их производства и распространения. Эти факторы определяют и историческую значимость таких текстов, их роль в выражении идеологии и, следовательно, в **узаконивании** власти или в установлении (отрицании) **статус-кво** в глобальной системе информации и коммуникации. На этой стадии анализа не важно, влияет ли (и если влияет, то как) этот широкий исторический, культурный или **социоэкономический** контекст на деятельность участников коммуникации, определяет ли он эту деятельность. Нашим единственным **допущением** является **признание** того факта, что такой контекст должен иметь свое место в анализе дискурса новостей, но их связь может быть только косвенной, допускающей некоторую степень неопределенности текста, дающей возможность проявиться индивидуальным различиям. Мы начали исследование на уровне самого текста, и поэтому стратегически полезнее вести анализ снизу вверх, чем сверху вниз или только на верхнем уровне, как это делае-

тся в большинстве работ по социальным наукам, использующим метод макроанализа. Поэтому связь между текстом новостей и контекстом определяется на уровне социальной деятельности и социальных знаний, включенных в процесс обработки текста новостей.

Когнитивный аспект: социальное познание в обработке текста

Соотнесение текстов новостей с бесчисленным количеством их контекстов при анализе деятельности участников коммуникации и их позиций все же не дает возможности установить прямые связи между текстами и процессами их производства и потребления. Сначала мы сосредоточим внимание на когнитивных характеристиках участников события как важном компоненте их социального облика. Не учитывая этого параметра в процедуре производства или потребления новостей, мы не сможем описать или объяснить процессов **понимания**, приписывания значений, передачи информации, процессов убеждения, способов выражения идеологии или любой другой аспект, который является определяющим в знаковой коммуникации **посредством** языка и текстов. Вышесказанное может представляться очевидным, но до последнего времени, в сущности, не было серьезных **исследований** когнитивных аспектов производства и потребления новостей (**Höijer and Findahl, 1984; Findahl and Höijer, 1984**). Ученые в области когнитивной психологии мало уделяли внимания анализу средств массовой информации (**Thorndyke, 1978; Green, 1979**), а большинство **исследователей** в сфере массовой коммуникации уже рекомендовали себя ранее как специалисты в области социологии, истории, **экономики** или политических наук. Микро-социологи, начавшие изучать процессы подготовки и написания новостей журналистами, широко пользуются такими когнитивными понятиями, как интерпретация, правила **или** процедуры (**Molotch and Lester, 1974; Tuchman, 1978; Lester, 1980**), но объясняют их не более подробно, чем когнитивные понятия классической **макро-**социологии, такие, как **нормы**, цели, ценности, идеологические установки.

При акценте на когнитивной обработке как ключевом этапе в процессе соотнесения текста новостей и контекста, с включением в этот процесс самих участников коммуникации, мы не имеем в виду, что такая когнитивная **проце-**

дура носит персональный или **индивидуальный** характер. При более широком анализе производства новостей индивидуальные когнитивные характеристики могут оказаться существенными лишь при объяснении каких-либо индивидуальных или окказиональных вариантов в создании или интерпретации новостей. Но мы не занимаемся анализом деятельности журналистов и потребителей средств массовой информации как отдельных индивидуумов, они для нас социальные субъекты, члены социальных групп, и наш когнитивный подход **ориентирован** на социальное познание.

Когнитивный анализ процесса обработки дискурса новостей основан на взаимодействии между репрезентациями и операциями в памяти. Операции имеют стратегическую природу (van **Dijk and Kintsch**, 1983). В отличие от правил грамматики или формальных алгоритмов, стратегии характеризуются гибкостью, целенаправленностью и зависимостью от контекста. Они анализируют разнородные типы поступающей информации и управляют когнитивными репрезентациями не всегда надежно, но достаточно эффективно. Стратегии допускают параллельную обработку, то есть одновременный анализ частичной и неполной информации, поступающей одновременно из разных источников. Так, в основных процессах интерпретации, которые определяют восприятие текста, гибко используются поверхностные структуры текста (то есть **морфологические**, синтаксические и лексические структуры), контекстуальная информация, идущая от реального процесса взаимодействия участников коммуникаций, характеристика социальной ситуации и различные типы репрезентации знаний в памяти. И значения, и знания могут быть использованы и при анализе синтаксической информации предложений **или** различных схематических форм текстов. Эти процессы осуществляются в направлении как снизу вверх, так и сверху вниз, **т. е.** для **построения** больших, более абстрактных, структур или **структур** более высокого уровня используется конкретная (локальная) информация, и наоборот, структуры более высоких уровней используются для построения предположений о том, какая конкретная информация появится с наибольшей вероятностью. (Подробнее о природе таких репрезентаций и стратегических операций по производству и пониманию текстов см.: Britton and Black, 1985; Graesser, 1981; **Flammer and Kintsch**, 1982; **Sanford and Garrod**, 1981; **Otto and White**, 1982; **Mandl**, Stein and Tra-

basso, 1984; см. также van Dijk and Kintsch, 1983 — данная работа лежит в основе настоящего исследования.)

Сценарии

На входе и на выходе этих стратегических операций находятся различные типы репрезентаций. Ранее мы видели, что знания в памяти могут быть представлены в виде сценариев (**Schank and Abelson, 1977**). Такие сценарии можно определить как абстрактные, схематические, иерархически организованные наборы пропозиций, конечные позиции которых являются незаполненными: их наполнение производится по умолчанию (default values). Поэтому эти сценарии могут быть приложены к различным ситуациям путем заполнения этих терминальных **позиций** конкретной информацией. **Если** в системе нашей культуры есть сценарий о супермаркете, то этот сценарий направляет наши намерения и наши действия в супермаркете или понимание того, что происходит там. Понимание дискурса может предположительно включать в себя общее содержание сценария; это содержание может, таким образом, частично подразумеваться, как это происходит, например, с информацией о том, что в супермаркете можно купить еду и хозяйственные товары, что там есть ручные тележки для покупок, что товары можно выбирать и отбирать самому и что после всего нужно заплатить кассиру. Стереотипные, присущие какой-либо культуре социальные ситуации могут быть представлены в памяти в форме сценариев таким образом, что люди могут взаимодействовать друг с другом или **общаться** на основе этого общего знания. Подобные сценарии относительно **постоянны**, они часто **используются** членами социума, поэтому сценарии находятся в семантической или социальной долговременной памяти, в отличие от информации, в которой нуждаются лишь в исключительных случаях. Кроме сценариев отдельных эпизодов, в нашей семантической памяти существуют фреймовые репрезентации об известных объектах и личностях, так же как и знание о единицах, категориях и правилах языка, дискурса и коммуникации (**Minsky, 1975**). Наконец, мы обладаем организованными в определенные схемы представлениями об общих взглядах, то есть оценочными представлениями о социальных явлениях, структурах или проблемах (таких, как государственная система образования, ядерная энергия или аборты). Для обозначения подобных аб-

страктных понятийных схем, также усваиваемых в обществе, разделяемых этим обществом и используемых членами социальных групп, мы употребляем классический термин „установки“. (Abelson, 1976; van Dijk, 1982; van Dijk, 1987a; Fiske and Taylor, 1984.)

Модели

Такие разнообразные типы социальных знаний и убеждений, включающие лингвистические коды, фреймы, сценарии и установки, образуют репрезентации общего характера, которые используются для интерпретации поступающей конкретной информации: ситуаций, событий, действий или дискурса. Эти стратегические процессы анализа и интерпретации осуществляются в рабочей или кратковременной памяти. Результаты таких операций накапливаются затем в эпизодической памяти, которая вместе с семантической (социальной) памятью является частью долговременной памяти. Таким образом, эпизодическая память действует как накопитель всей входящей и получившей интерпретацию информации и включает весь наш индивидуальный опыт, относящийся как к событиям, которые мы наблюдали или участниками которых мы являлись, так и к воспринятым текстам. Таким путем каждое событие или ситуация получают репрезентацию в терминах субъективной модели (Johnson-Laird, 1983; van Dijk and Kintsch, 1983; van Dijk, 1985a; van Dijk, 1987b). Эта модель ситуации организована также в виде схемы и отражает такие постоянные категории, как Обстановка (Время, Место), Обстоятельства, Участники, Событие/Действие и соответствующие им характеристики, включая оценочные свойства. Пользователю языка нужно понять текст, и он создает для этого не только эпизодическое представление этого текста, но и представление о событиях или явлениях, которым посвящен текст, то есть он создает модель. Таким образом, модели выступают и в качестве **референциальной** основы когнитивной интерпретации, они также играют важную роль в выявлении условий связности (**когерентности**) текста, о которой говорилось выше. В соответствии с положениями социологической теории люди действуют не столько в реальном мире и говорят не столько о нем, сколько о межсубъектных моделях явления и ситуаций действительности, получивших определенное толкование (Berger and Luckman, 1967). Следовательно, индивидуальные и

групповые различия в обработке социальной информации могут быть объяснены и на основе различий в моделях.

Если мы воспринимаем, например, сообщения средств массовой информации о воздушной атаке США на Ливию в апреле 1986 г., мы создаем ментальную модель этого события на основе информации, полученной из этих сообщений. При этом часть нашей конкретной модели представляет собой фрагменты той общей информации, которая у нас уже есть о военных операциях, о Ливии, о регионе Средиземного моря, о Ближнем Востоке или об актах **терроризма** — эти сведения могли быть получены из более ранних сообщений по каналам массовой информации. Можно использовать более поздние тексты, посвященные данному событию, с целью приведения этой модели в соответствие с новыми **фактами** — именно подобная операция является одной из основных функций текста новостей. При построении такой модели мы можем вспомнить и о других сходных событиях (**Schank**, 1982), то есть мы можем извлечь из памяти похожие модели, например нападение США на Гренаду.

Мы используем наборы таких моделей для обобщения и абстрагирования и, в конечном счете, можем реконструировать некоторые типы фреймов, сценариев или установок, которые образуют наши общие социальные знания и убеждения. Это означает, что мы обладаем единичными моделями, с одной стороны, и абстрагированными **сценариями** — с другой. Но при этом нам необходимо иметь и обобщенные (и все же личностные) модели, которые должны отражать наш привычный опыт, относящийся к повторяющимся событиям или ситуациям, скажем, посещение службы, повседневному обеду или покупке, совершаемому утром каждую субботу. Модели являются центральными репрезентациями в процессах нашего понимания. То же характерно и для процессов производства текста, понимания и коммуникации: основной целью этих процессов является установление понимания, то есть построение или модернизация модели или передаточной модели **получателю**. Можно сказать, что эпизодические репрезентации текстовых структур и значений служат средством создания таких моделей. Другими словами, мы понимаем текст, только если мы понимаем ситуацию, о которой идет речь, то есть если у нас есть модель этого текста (или для этого текста). Все это относится и к текстам новостей.

Модели контекста

Для того чтобы иметь возможность участвовать в коммуникативном событии, мы создаем также модель контекста, отражающую коммуникативную обстановку, место действия, обстоятельства, участников, а также тип речевых или каких-либо других актов, **включенных** в процесс коммуникации. Саму **репрезентацию** текста или диалога можно считать ядром модели этого коммуникативного события: во время процесса коммуникации или вскоре **после** него такая репрезентация текста предоставляет возможность вспомнить или более или менее точно воспроизвести, что было сказано и как. По истечении **длительного** времени большая часть информации, содержащейся в тексте, уже не может быть извлечена из памяти; существует тенденция к запоминанию только макроструктур воспринятого текста, следовательно, структур самого верхнего уровня модели. Так, ни один читатель не может воспроизвести все подробности множества сообщений о нападении США на Ливию, **переданные** по радио или публиковавшиеся в течение нескольких дней. По-видимому, на **основе** всех этих текстов мы пытаемся **представить** себе случившееся путем моделирования ситуации; **и позже**, при воспроизведении этих текстов, например в беседе о новостях дня, **используется** эта модель, особенно макроструктуры ее высшего уровня. Иначе говоря, рассказы о нашем опыте или событиях, почерпнутые из прессы, представляют собой результат целенаправленного отбора, они частично отражают эпизодические модели, существующие в нашей памяти.

Воспроизведение текстов новостей не является поэтому обязательно верным: индивидуальные убеждения, **мнения**, опыт являются частью ситуационной модели текста, а воспроизведение таких текстов отразит **не** вполне **точные** воспоминания, то есть совсем не те сведения, о которых мы **читали**, — на самом деле будет воспроизведена **информация**, которую мы извлекли из нашей индивидуальной модели или создали по этой модели во время чтения текста. Информация, в основе которой лежат сценарии или определенные установки и которая стала компонентом этой модели, часто воспроизводится в предвзятой форме. Припоминание читателями уголовных историй, в которые оказываются вовлеченными юноши с черным **цветом** кожи, наглядный тому пример (**Graber**, 1984). Отсутствие объективности основано на сложившихся

этнических убеждениях, на схемах этнических предубеждений, существующих в социальной памяти (**Rothbart, 1981; van Dijk, 1987a**). Вообще говоря, людям свойственно наиболее полно припоминать информацию, которая **подтверждает их знания**, убеждения и установки или **какие-либо** особые отклонения от них.

Стратегия обработки текста я система контроля

Иерархические структуры репрезентаций текста, **модели** и **сценарии**, существующие в памяти, способствуют быстрому и эффективному поиску с помощью разнообразных стратегий извлечения информации, например направленному сверху вниз в соответствии с релевантными субкатегориями. Этим можно объяснить факт лучшего запоминания макроструктур некоторых действий или текстов: они расположены в верхних уровнях имеющихся у нас ментальных моделей этих **событий**; вместе с тем они определенным образом **организуют** большой массив информации и этим они отличаются от детализированной информации, представленной на низших уровнях **иерархии**. Если **основные** тоника текста соответствуют **основным событиям**, заложенным в модели, то относительно легко вспомнить, чему вообще был посвящен текст, в то время как **подробности** микроструктурной информации или стилистические обороты могут вскоре легко забыться. Иногда **оценочные** суждения, **извлеченные** из деталей описания, например об источнике текста, его авторе и главных действующих лицах, могут лучше запомниться, чем сами эти детали. Как мы видим, эффективные, гибкие стратегии вместе с разумной организацией накопленной **информации** лежат в основе удивительной способности человека обрабатывать в сравнительно короткое время сведения о бесконечном количестве событий, ситуаций, а **также** огромное количество текстов и при этом быть в **состоянии** извлекать какую-то часть информации для неоднократного использования в будущем.

Можно, наконец, предположить, что существует общая система контроля за организацией этой **информации** я правильным, успешным и целенаправленным управлением ею. Эта система следит за **процессами** извлечения информации из социальной и эпизодической памяти и использованием ее, а **именно** за тем, какие сценарии и модели задействованы в настоящий **момент**; **исполь-**

зуются сейчас; к какой информации обращаются и анализируют в рабочей памяти; какая информация должна перейти из этой краткосрочной памяти в эпизодическую, долговременную память. В процессе обработки текста контролирующая система определяет, какой из главных **топиков** (макропропозиций) или какая суперструктурная схема (или ее категории) наиболее релевантны на данном этапе. Отсюда следует, что такая контролирующая **система** является динамической: она постоянно адаптируется к происходящим процессам и управляет различными фазами обработки входящей и исходящей информации. И одной из главных когнитивных функций заголовка в прессе является создание **макроструктурной** репрезентации в этой контролирующей системе. Одновременно с активизированными сценариями и моделями этот предвзвешенно заданный топик будет далее направлять и облегчать, а иногда настраивать определенным образом понимание остальной части сообщения.

Суммируя изложенное, можно сказать, что когнитивная структура включает в себя: (1) репрезентации, существующие в эпизодической и социальной памяти, такие, как сценарии, установки и модели; (2) стратегические процессы, в рамках которых гибко используются, применяются и модифицируются, в соответствии с новой информацией, новыми условиями и пр., такие репрезентации; (3) систему контроля, которая управляет процессом поиска в памяти, активацией имеющихся знаний и их приложением, использованием макроструктур и суперструктур, переводом информации в разные виды памяти. Эта структура имеет отношение как к пониманию ситуаций, явлений, действий и текстов о них, так и к планированию действий, их **производству** или исполнению. Планирование вербального или другого действия означает лишь создание модели того, что мы намереваемся сделать в данной обстановке и времени, и конкретное произведение или исполнение речевого акта полностью находится под контролем такого плана-модели. На исполнение речевого акта одновременно влияет также и новая, подходящая к данной ситуации внешняя информация, релевантная для надлежущей **реализации** запланированного действия и накапливаемая в постоянной модели такого действия и его контекста. Каждое сообщение-новость подготавливают и пишут также под влиянием модели события-новости, модели одного из явлений массовой коммуникации (в модели могут быть отражены задачи сообщения, предельные сроки под-

готовки, типы читателей и под.) и лежащих в ее основе социальных сценариев и установок.

Социальные репрезентации

Хотя приведенная нами картина когнитивной обработки текста предполагает использование **менталистского** подхода, нужно особо подчеркнуть, что такая обработка ориентирована и на социальные характеристики. Несмотря на то, что некоторые элементарные процессы и ограничения могут являться общими свойствами обработки информации человеком (например, предельные объемы памяти), а уникальное, присущее отдельному индивиду и основанное на фактах его биографии понимание может быть представлено в персональных моделях его опыта, эти процессы и репрезентации в значительной мере зависят от обработки социальной информации и социального общения. Знания, убеждения, установки, владение **языком**, все другие типы общей информации **приобретаются**, используются и изменяются в различных социальных контекстах. Социальные субъекты постоянно выражают эти знания, проверяют и сравнивают их со знаниями других членов тех же социальных групп, в той же культуре, они предполагают, что такими знаниями обладают и другие участники социального взаимодействия, общения посредством дискурса. Сами структуры сценариев и моделей, возможно, образовались на основе нашего участия в социальном общении путем долгого и сложного обучения. Представляется, что это одна из причин существования в сценариях, моделях и даже в семантических репрезентациях и синтаксических структурах предложений и рассказов одинаковых формирующих категорий, таких, как обстановка, событие/действие и роли **участников**, вместо указаний на объемы, цвета или размеры, которые организуют наше визуальное восприятие. Иначе говоря, память и познание являются столь же социальными, сколь и ментальными феноменами. Или, точнее, у членов социума имеются общие социальные репрезентации различного типа, которые организуют их социальное общение и понимание (Farr and Moscovici, 1984). В их распоряжении — **варьируемые** (в зависимости от типа культуры и часто основанные на групповых представлениях) схемы, относящиеся к участникам социального общения, группам, институтам, а также структурным взаимоотношениям ме-

жду ними (Forgas, 1981; Wyer and **Srull**, 1984; Fiske and **Taylor**, 1984; **Hastie et al.**, 1980). Такая социальная категоризация не является произвольной. Осуществляемая путем обработки социальной информации в период первичной и вторичной социализации и коммуникации, социальная категоризация организована с учетом уже упомянутых параметров, таких, как пол, возраст, внешний вид, происхождение, род занятий, статус, обладание властью или личностные особенности. Каждая из этих категорий может далее ассоциироваться с наборами стереотипных критериев, обуславливающих такую категоризацию, например **прототипические** внешние данные, деятельность или социальную обусловленность их проявления.

Как мы подробнее увидим в наших исследованиях по проблемам представления этнических меньшинств и скваторов, такие же категории и критерии могут быть использованы и для организации информации о группах людей с отклоняющимся от нормы поведением, об этнических группах, иммигрантах или людях других национальностей (Hamilton, 1981; Fiske and Taylor, 1984; van **Dijk**, 1987a). Подобные групповые схемы контролируют обработку социальной информации, то есть наше взаимодействие с членами этих групп или другие коммуникации, так или иначе связанные с участниками групп. Такие схемы в основном определяют построение нами моделей социальных встреч; внутри моделей могут быть выделены **или** получить большую или меньшую значимость определенные социальные субъекты или приписываемые им характеристики, которые, следовательно, будет легче припомнить в будущем. Если схемы являются по своему характеру негативными или основывающимися на недостаточной информации, их называют предвзятыми, **сексистскими**, или расистскими. То же самое можно сказать и об интерпретации взаимодействия с членами групп, которым приписывают какие-либо врожденные или весьма характерные качества, ассоциируемые с полом, расовой принадлежностью, происхождением, внешностью, возрастом. В таких случаях когнитивные репрезентации будут варьировать у различных групп, в зависимости от **социальноэкономического** и культурного статуса группы в социальной структуре. Когнитивные схемы, имеющиеся у членов какой-либо группы и отражающие информацию о тех, кто не принадлежит к данной группе, должны различаться, в зависимости от того, какое положение эта группа занимает (доминирующее или подчиненное), **уча-**

ствует ли она в разделении власти, заинтересована ли она в сохранении политики угнетения или она бросает вызов этой политике (**Tajfel**, 1981; **Levin and Levin**, 1982). Таким образом, групповые схемы играют центральную роль в более общей организации социальных, идеологически ориентированных установок; одновременно схемы предоставляют материал для **узаконивания прав** этой группы и ее деятельности в социальной структуре. Иначе говоря, структуры и содержание социальной памяти являются функцией нашего социального (группового) положения в обществе.

Такие же организационные принципы лежат в основе наших общих социальных репрезентаций о групповых или классовых отношениях, об общественных институтах и других социальных структурах. Категории, упоминаемые выше, относились к отдельным членам групп, но группам как целому также могут быть приписаны важные характеристики, такие, как численность группы, ее экономические возможности, обладание властью, статус. Так, исследование когнитивных репрезентаций и разговоров, относящихся к этническим меньшинствам, показывает, что люди с белым цветом кожи в Западной Европе и Северной Америке склонны представлять себе само существование людей с черным цветом кожи, иммигрантов или других меньшинств не только как сложную проблему, но и как угрозу государству, культуре, **социальноэкономическому положению** (ср. вопросы жилья и обеспеченности работой), **привилегиям**, безопасности каждого и общему благосостоянию (**van Dijk**, 1984; **van Dijk**, 1987a).

Классовое **самовосприятие** — **еще один** тип категоризации в групповых **схемах** — **характеризует** явление, которое традиционно исследовалось в качестве классового сознания. Различные общественные институты могут быть охарактеризованы путем перечисления главных задач, стоящих перед ними, выполняемых ими функций, продуктов их деятельности или услуг, а также с помощью представления их внутренней (например, иерархической) организации, их возможностей, стандартных отношений с другими такими же заведениями или группами **социальных** субъектов. Здесь, однако, не место подробно описывать такие сложные схемы или детальные стратегии использования этих схем при обработке социальной информации. Релевантным для данного обсуждения является, однако, тот факт, что носители нашей культуры также обладают отличающимися друг от друга представлениями

о различных средствах массовой информации, таких, например, как телевидение или газета. Читая газету, читатели руководствуются своими убеждениями и схемами установок, относящихся к газетам (или конкретной газете), чтобы направлять восприятие и извлекать из своей памяти и знаний необходимые суждения об изображенном в событиях-новостях. Институтам, ведающим коммуникацией, приписываются авторитетность или способность внушать доверие; например, аудитория может поверить в то, что теленовости более надежны и менее предвзяты, чем газетные сообщения (Vogart, 1981).

Социальные репрезентации, идеологические установки и производство новостей

Производство новостей и их восприятие обязательно включают в себя эти социальные репрезентации. Для журналистов и читателей, принадлежащих к одному обществу, классу или культуре, часть репрезентаций может быть общей, поэтому в газетных сообщениях обычно эти репрезентации предполагаются заданными. Предполагается также, что читателю или зрителю известны основные социальные институты и их характеристики, так же как и основные социальные группы или классы. События-новости и действия становятся понятными на фоне общих знаний в системе одной культуры, и эксплицитное выражение таких пресуппозиций является основной задачей критики средств массовой культуры (Hall, 1980). С другой стороны, журналисты как отдельная группа также принадлежат к средним слоям общества, к категории служащих. Большая часть из них предположительно принадлежит к белому населению мужского пола и живет на Западе. Соответственно нашей основной посылке о **социокогнитивном** характере репрезентаций **установки** этой группы также находят отражение в их когнитивных репрезентациях. Не только общие нормы, цели и ценности, но также и интересы, разделяемые **членами** разнообразных групп, воплощаются в то, что журналисты знают и думают о других социальных группах и социальных структурах (Gans, 1979).

Следовательно, социальные схемы, существующие в представлениях журналистов, **оперативно** воплощаются в создаваемые ими модели новостей. Эти модели и схемы, вместе, определяют, как журналисты будут освещать новые социальные события, представлять их в (новых) моде-

лях и обновлять старые модели. Эти модели играют свою роль на каждой стадии процесса производства новостей, в обычной процедуре сбора новостей (сенсаций), в коммуникативном взаимодействии во время интервью и пресс-конференций, в восприятии всего материала текстов-источников и его обобщения **и**, наконец, в самом написании материала или его редактировании. В то же время все журналисты знают о форме представления материала (об этом мы говорили выше), так же как и о стиле его изложения, наборе предпочтительных тем, о тех личностях или группах, которые интересны для описания. Вся эта информация может быть использована как вклад в построение коммуникативной модели контекста, которая в свою очередь включает некоторые важные фрагменты общей схемы всего института средств массовой информации, представления о „текучке“, особые цели, предельные сроки подготовки материала, а также личные качества журналиста. Общеизвестные ценностные ориентации (убеждения, профессиональные установки), относящиеся к определению большей или меньшей значимости сообщения (**newsworthiness**) теми, кто занят производством новостей (**Galtung and Ruge, 1965; Golding and Elliott, 1979; Gans, 1979**), — это практические, разумные оценочные критерии, которые дают возможность стратегически распределять и отбирать источники новостей, в том числе тексты-источники, позволяют извлекать из них главную информацию, предоставляют возможность видеть перспективы развития событий и, наконец, определяют тематическую и стилистическую структуры сообщения. Эти ценностные ориентации основаны на сложном взаимодействии уже упомянутых социальных репрезентаций (относящихся к данной культуре, этнической или родовой принадлежности, национальности, политической идеологии, основным целям) с информацией, которая более направленно определяет коммуникативную модель (читатели, предельные сроки подготовки материала, истинные цели).

На основе таких теоретических посылок можно сделать вывод, что репрезентация и воспроизведение событий-новостей журналистами — не такой простой и инертный процесс, это скорее набор конструктивных стратегий, находящихся под социальным и идеологическим контролем. Производство сообщений определяется присущими каждому данному журналисту моделями, относящимися к **событиям-новостям**, — как при непосредственном наблюдении

нии событий, потенциально способных стать темой новостей, так и при чаще происходящей процедуре обработки текстов-источников, посвященных этим событиям. Такие модели, основанные на определенных социальных репрезентациях, окрашены внутренней предвзятостью; для журналистов ведущих изданий это будут репрезентации, характерные для доминирующих групп. Это не исключает возможности индивидуальных вариаций, отклонений, сопротивления условностям, поэтому репрезентации подвержены некоторым изменениям: мы уточнили, что модели воплощают личный опыт или намерения, и это передается в сообщениях, принимается другими журналистами и используется для порождения контридеологии и противодействий, при соответствующей **социоэкономической** и культурной обстановке. И все же социальные репрезентации и институциональные ограничения, которые также сознательно заминаются (чтобы действовать соответственно им, нужно знать их), являются очень вескими факторами, поэтому индивидуальные решения и действия журналистов касаются обычно менее важных аспектов производства новостей.

Восприятие новостей

То, что было сказано выше о журналистах и производстве текстов новостей, может относиться, с соответствующими изменениями, и к читателям и к их восприятию текста. Мы подчеркивали, что тексты новостей, так же как их производство и понимание, предполагают наличие большого количества общих социальных репрезентаций, включая отдельные убеждения и идеологические установки. Читатели, конечно, меньше знакомы с профессиональными привычками, особенностями мировоззрения и ценностными **ориентациями** журналистов; но имплицитно им всё же известна некоторая часть этих характеристик: читатели интерпретируют тексты, в которых эти установки и ценности выражены или указаны в неявной форме. Принятое журналистами определение новостей таким образом косвенно воспроизводится и читателями, которые были бы удивлены (и, возможно, сопротивлялись бы) коренным изменениям в выборе, содержании или стиле сообщений-новостей. Для когнитивного анализа общения посредством таких текстов особенно важной представляется конструируемая читателями модель того события, которое отражено и эффективно представлено в тексте **сооб-**

шения. Очевидно, модель события, сконструированная индивидуальным читателем, не будет полностью совпадать с моделью этого события, имеющейся у журналиста, или той моделью, которую он хотел бы создать у читателя. Индивидуальные модели и различия в социальных репрезентациях могут привести к различной интерпретации новостей, то есть к различным моделям. И опять подчеркнем, что такие вариации ограничены, ибо рамки интерпретации у большинства читателей задаются социальными репрезентациями, которые предопределяют единую точку зрения.

ВЫВОДЫ

В этом кратком очерке проблем социального познания и его важности при анализе сообщений-новостей как явления массовой коммуникации мы наметили связи, которые неизбежно существуют между такими сообщениями, их структурами, процессами их производства и восприятия, описали деятельность создателей новостей (newsmakers), влияние социальных репрезентаций на производство новостей и их понимание, пытались выявить социальный статус тех, кто занимается выпуском новостей, и связи между ними, институциональные и другие структурные взаимоотношения. При таком анализе создание новостей оказывается процессом, совмещающим в себе социальные и когнитивные акты и стратегии. Поэтому дать явное и объективное определение производства новостей и их потребления довольно трудно: ограничения, накладываемые родовой или расовой принадлежностью, классовыми или институциональными различиями, не могут иметь непосредственного отражения на уровне **топиков**, структур или стилистических характеристик. То же можно сказать и о таких параметрах, как влияние той или иной группы, ее интересы, идеология. Если мы описываем связи, например между выбором топика и интересами автора-журналиста (мужчины, представителя белого населения, живущего на Западе), мы делаем это как упрощение на макроуровне.

Теоретическое и эмпирическое описание еще более сложно (хотя иногда необходимо упростить описание в риторических или дидактических целях или в целях логичности изложения). Так, основной цепочкой связей в общей сети является следующая: сообщение-новости ↔ структуры новостей ↔ когнитивная обработка и репрезентация

(производство или интерпретация) таких структур новостей социальными субъектами ↔ построение модели и ее обновление ↔ социальные репрезентации социальных субъектов как членов групп (сценарии, установки, идеологическая ориентация) ↔ производство новостей как социальное взаимодействие (сбор новостей, принятие решения, реальное производство газеты) ↔ межгрупповые связи между журналистами и другими группами и их участниками (например, группой элиты) ↔ **внутриинституциональная** деятельность, правила, цели и стратегии в организации новостей ↔ внешние цели и интересы в организации новостей как частных, так и государственных корпораций ↔ установленные отношения между институтом средств массовой информации и другими институтами (например, государством, правительством, парламентом, деловыми кругами, профсоюзами и т. п.) ↔ и, наконец, место института средств массовой информации в истории и в культуре и его связи с другими институтами.

Эта цепочка связей не исключает других связей и отношений между элементами этой общей сети. Например, макроструктурные отношения на начальном уровне могут быть определены в отвлеченных **социальноэкономических** терминах; но в то же время эти отношения действуют и на локальном микроуровне, в виде действий, деятелей, членов различных групп и их когнитивных репрезентаций, а **также** в виде текста, например в обсуждениях и переговорах между средствами массовой информации и другими институтами. То есть, как только мы хотим получить эмпирическое свидетельство того, что происходит на верхних уровнях организации новостей, мы непременно переходим к анализу **того**, что происходит на нижнем, локальном, уровне. Итак, в нашем подходе к новостям и их производству как процессу, направленному как **сверху вниз**, так и снизу вверх, важно определить во всех подробностях структуры и функции соответствующих связей или уровней.

Это также означает, что серьезный и критический анализ идеологического аспекта новостей невозможен без экспликации связей, которые соединяют структуры новостей с социальными знаниями журналистов, журналисты при этом рассматриваются как члены групп, входящих в идеологические институты, такие, как средства массовой информации. Поэтому наши исследования не могут быть ограничены ни исключительно текстовым или контент-анализом, ни высоким уровнем глобальных противоречий

в мировом информационном порядке. Если столь часто наблюдаемые несоответствия в мировом информационном порядке находят **отражение** в обычном тексте новостей, то отражение это должно быть последовательным, должно быть зафиксировано на каждом этапе, вплоть до текстовых структур. Мы, очевидно, только начали понимать некоторые связи и их пересечения в этой сложной сети отношений.

Такой структурно-ориентированный подход имеет особое значение для анализа производства новостей. Помимо исторического, экономического или институционального анализа текстов новостей как средства массовой информации, в **1970-е** гг. появилось стремление к микро-социологическому анализу процесса создания новостей (**Tuchman, 1978**). Этот уровень анализа дает возможность установить связи между социальной стратификацией и ежедневными контактами журналистов, между профессиональными формами деятельности и институциональными порядками, и все это увязывается с идеологическими установками, которым должны следовать журналисты. Было подробно показано, как журналисты собирают и интерпретируют новости, как они оказываются втянутыми в эту сеть отношений, дающих доступ в такие закрытые заведения, как правительство или полиция, или как принадлежность журналиста к той или иной социальной группе и ее идеологии отражается на определении сути новостей и их ценности (**Gans, 1979; Fishman, 1980; Cohen and Young, 1981**). И хотя в таких исследованиях на интерпретацию обращается особое внимание, мы тем не менее видели, что этот процесс и связанные с ним репрезентации описываются поверхностно и неопределенно. Мы можем определенно сказать, что социальная структура и идеологическая направленность процесса производства новостей могут считаться объективными предпосылками выделения новостей в качестве **культурного** и социального объекта только в следующем случае: если мы точно знаем, каким образом журналисты приобретают социальные знания, как эти знания структурированы, как они используются в процессах понимания и представления ситуаций сбора информации и в процессах коммуникации, как эти знания используются в других текстах массовой информации, а также в тех текстах, которые являются источниками для данных текстов **новостей**, и как эти знания влияют на реальный процесс создания текста.

- Abelson, 1976 = **Abelson, R.** Script processing in attitude formation and decision making.—In: **Carrol, J.** and **Payne, J.** (eds.) **Cognition and Social Behavior.** Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1976, p. 33—46.
- Atkinson, **Heritage**, 1984 = **Atkinson, J., Heritage, J.** (eds.) **Structures of Social Action.** Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1984.
- Austin**, 1962 = **Austin, J.L.** **How to Do Things with Words.** Oxford: Oxford University Press, 1962.
- Barthes, 1964 = **Barthes, R.** **Eléments de sémiologie.**— „Communications”, 1964, vol. 4, p. 91—135.
- Barthes, 1966 = **Barthes, R.** Introduction a l'analyse structurale des récits.— „Communications”, 1966, vol. 8, p. 1—27.
- Bauman, Scherzer, 1974 = **Bauman, R., Scherzer, J.** (eds.) **Explorations in the Ethnography of Speaking.** London: Cambridge University Press, 1974.
- de Beaugrande, 1980 = de Beaugrande, R. **Text, Discourse and Process.** Norwood, NJ: **Ablex**, 1980.
- de Beaugrande, Dressler, 1981 = de Beaugrande R., **Dressler, W.** **Introduction to Text Linguistics.** London: Longman, 1981.
- Benson, Greaves, 1985 = **Benson, J., Greaves, W.** (eds.) **Systemic Perspectives on Discourse. Vols. 1—2.** Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1985.
- Bentele, 1981 = **Bentele, G.** **Semiotik und Massenmedien.** Munich: **Oelschläger**, 1981.
- Berger, Luckman, 1967 = **Berger, P., Luckman, T.** **The Social Construction of Reality.** New York: Doubleday, 1967.
- Bogart, 1981 = **Bogart, L.** **Press and People.** Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1981.
- Bremond, 1964 = **Bremond, C.** **Le message narratif.**— „Communications” 1964, vol. 4, p. 4—32.
- Bremond, 1973 = **Bremond, C.** **Logique du recit.** Paris: **Seuil**, 1973.
- Britton, Black, 1985 = **Britton, B., Black, J.** (eds.) **Understanding Expository Text.** Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1985.
- Carbonell, 1979 = **Carbonell, J.** **Subjective Understanding.** Doctoral Thesis, Yale University. Department of Computer Science, 1979.
- Cicourel, 1973 = **Cicourel, A.** **Cognitive Sociology.** **Harmondsworth:** Penguin Books, 1973.
- Cohen, Young, 1981 = **Cohen, S., Young J.** **The Manufacture of News, Deviance, Social Problems and the Mass Media.** (2nd rev. ed.) London: Constable/Sage, 1981.
- Communications, 1964 = **Communications. Recherches semiologiques.** Paris: Seuil, 1964.
- Communications, 1966 = **Communications. Recherches semiologiques. L'analyse structurale du recit.** Paris: Seuil, 1966.
- Culler**, 1975 = **Culler, J.** **Structuralist Poetics.** London. **Routledge** and **Kegan Paul**, 1975.
- van **Dijk**, 1972 = van **Dijk, T.** **Some Aspects of Text Grammars.** The Hague: **Mouton**, 1972.
- van **Dijk**, 1977 = van **Dijk, T.** **Text and Context.** London: Longman, 1977.
- van **Dijk**, 1980a = van **Dijk, T.** **Macrostructures.** Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1980.

- van Dijk, 1980b = van Dijk, T. Story **comprehension**.— „**Poetics**“, 1980, vol. 8, N 1/3 (special issue).
- van Dijk, 1981 = van Dijk, T. Studies in the Pragmatics of **Discourse**. Berlin, New York, Mouton, 1981.
- van **Dijk**, 1982 = van **Dijk**, T. Opinions and attitudes in discourse comprehension. = In: **Le Ny J., Kintsch W.** (eds.) Language and Comprehension. Amsterdam: North Holland, 1982, p. 35—51.
- van Dijk, 1984 = van **Dijk**, T. Prejudice in Discourse. **Amsterdam**: Benjamins, 1984.
- van Dijk, 1985a = van Dijk, T. Cognitive situation models in discourse production: The expression of ethnic situations in prejudiced **discourse**. = In: **Forgas J. (ed.)** Language and Social Situations. New York: Springer, 1985, p. 61—80.
- van Dijk, 1985b = van Dijk, T. (ed.) Handbook of Discourse Analysis (**Vols. 1—4**). London: Academic Press, 1985.
- van Dijk, 1985c = van **Dijk**, T. Structures **of news in the press**.— In: van Dijk, T. (ed.) Discourse and Communication. Berlin: de **Gruyter**, 1985.
- van Dijk, 1986 = van **Dijk**, T. News **schemata**.— In: Cooper C., **Greenbaum S.** (eds.) Studying Writing. Linguistic Approaches. Beverly Hills, CA: Sage, 1986.
- van Dijk, 1987a = van **Dijk**, T. Communicating Racism. Ethnic Prejudice in Thought and Talk. **Newbury Park, CA**: Sage, 1987.
- van Dijk, 1987b = van **Dijk**, T. Episodic models in discourse **processing**.— In: Horowitz, R., Samuels, S. (eds.) Comprehending **Oral and Written Language**. New York: Academic Press, 1987.
- van **Dijk**, 1987c - van Dijk, T. News as Discourse. **Hillsdale, NJ**: Lawrence **Erlbaum Associates**, 1987.
- van Dijk, Kintsch, 1983 = van Dijk, T., Kintsch, W. **Strategies of Discourse Comprehension**. New York: Academic Press, 1983.
- Dittmar**, 1976 = **Dittmar**, J. A Critical Survey of **Sociolinguistics**. New York: St. Martin's Press, 1976.
- Dressler**, 1972 = Dressler, W. **Einführung in die Textlinguistik**. Tübingen: **Niemeyer**, 1972.
- Dundes, 1964 = Dundes, A. The Morphology of the North-American folktale. Helsinki: FFC, 1964.
- Eco, 1966 = Eco, U. James Bond: **une combinatoire narrative**.— „Communications“, 1966, vol. 8, p. 77—93.
- Eco**, 1976 = **Eco**, U. A Theory of Semiotics. **Bloomington**: Indiana University **Press**, 1976.
- Erlich**, 1965 = Erlich, V. Russian Formalism. The Hague: Mouton, 1965.
- Ervin-Tripp, 1969 = Ervin-Tripp, S. **Sociolinguistics**.— In: **Berkowitz, L.** (ed.) Advances in Experimental Social Psychology. New York: Academic Press, 1969.
- Farr, Moscovici**, 1984 = Farr, **R., Moscovici, S.** (ed.) Social Representations. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- Findahl, Hoijer, 1984 = Findahl, O., Hoijer, **B. Bregliplighets-analys**. Stockholm: **Studentlitteratur**, 1984.
- Fishman**, 1968 = Fishman, J. (ed.) Readings in the Sociology of Language. The Hague: Mouton, 1968.
- Fishman**, 1980 = **Fishman**, M. Manufacturing the News. Austin, **TX**: University of Texas Press, 1980.
- Fiske, Taylor, 1984 = Fiske, **S., Taylor, S.** Social Cognition. Reading, MA: **Addison—Wesley**, 1984.
- Flammer, Kintsch, 1982 = Flammer, **A., Kintsch, W.** (eds.) Discourse Processing. Amsterdam. North Holland, 1982.

Forgas, 1981 = **Forgas**, J. *Social Cognition. Perspectives on Everyday Understanding*. London: Academic Press, 1981.

Fowler, **Hodge**, Kress, Trew, 1979 = Fowler, R., Hodge, B., Kress, G., **Trew**, T. *Language and Control*. London: **Routledge** and Kegan Paul, 1979.

Freedle, Carrol, 1972 = Freedle, **R.**, Carrol, J. *Language Comprehension and the Acquisition of Knowledge*. New York: Winston, 1972.

Galtung, Ruge, 1965 = Galtung, **J.**, Ruge, M. The structure of foreign news.— „*Journal of Peace Research*“, 1965, vol. 2, p. 64—91.

Gans, 1979 = Gans, H. *Deciding What's News*. New York: Pantheon Books, 1979.

Garfinkel, 1967 = **Garfinkel**, H. *Studies in ethnomethodology*, Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1967.

Giglioli, 1972 = **Giglioli**, P. (ed.) *Language and Social Context*. **Harmondsworth**: Penguin Books, 1972.

Givón, 1979 = **Givón**, T. (ed.) *Discourse and Syntax*. *Syntax and Semantics* (Vol. 12). New York: Academic Press, 1979.

Glasgow University Media Group, 1976 = *Glasgow University Media Group*. *Bad News*. London: Routledge and Kegan Paul, 1976.

Glasgow University Media Group, 1980 = *Glasgow University Media Group*. *More Bad News*. London: Routledge and Kegan Paul, 1980.

Glasgow University Media Group, 1982 = *Glasgow University Media Group*. *Really Bad News*. London: Writers and Readers, 1982.

Goffman, 1959 = **Goffman**, E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. Garden City, NY: Doubleday, 1959.

Goffman, 1967 = Goffman, E. *Interaction Ritual: Essays on face-to-face behaviour*. Garden City, NY: Doubleday, 1967.

Golding, Elliot, 1979 = Golding, P., Elliot, P. *Making the News*. London: Longman, 1979.

Graber, 1984 = Graber, D. *Processing the News*. New York: Longman, 1984.

Graesser, 1981 = **Graesser**, A. *Prose Comprehension beyond the Word*. New York: Springer, 1981.

Green, 1979 = **Green**, G. *Organization, Goals and Comprehensibility in Narratives: Newswriting, a Case Study* (Report, N132). University of Illinois: Center for the study of reading. Technical report, 1979.

Greimas, 1966 = **Greimas**, A. *Sémantique structurale*. Paris: Larousse, 1966.

Grice, 1975 = Grice, H. *Logic and conversation*.—In: Cole, P., Morgan, J. *Syntax and Semantics*, 3: *Speech Acts*. New York: Academic Press, 1975, p.41—58.

Gumperz, 1982a = **Gumperz**, J. *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Gumperz, 1982b = Gumperz, J. *Language and Social Identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Gumperz, **Hymes**, 1972 = Gumperz, J., Hymes, D. *Directions in Sociolinguistics*. *The Ethnography of Communication*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972.

Hall, Hobson, Lowe, Willis, 1980 = Hall, S., Hobson, D., **Lowc, A.**, Willis, P. (eds.) *Culture, Media, Language*. London: **Hutchinson**, 1980.

Halliday, Hasan, 1976 = Halliday, **M.**, Hasan, R. *Cohesion in English*. London: Longman, 1976.

Halloran, Elliot, Murdock, 1970 = Halloran, **J.**, Elliot, **P.**,

Murdock G. Demonstrations and Communication. A case study. Harmondsworth: Penguin Books, 1970.

Hamilton, 1981 = Hamilton, D. Cognitive Processes in Stereotyping and **Intergroup** Behavior. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1981.

Hartley, 1982 = Hartley, J. Understanding News. London: **Met-huen**, 1982.

Hastie, Ostrom, Ebbesen, Wyer, Hamilton, Carlston, 1980 = Hastie, R., Ostrom, T., Ebbesen, E., Wyer, R., Hamilton, D., Carlston, D (eds.). Person Memory: The Cognitive Basis of Social Perception. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1980.

Höijer, Findahl, 1984 = Høijer, B., Findahl, O. Nyheter, förståelse, och minne. Stockholm: **Studentlitteratur**, 1984.

Hymes, 1964 = Hymes, D. Language in Culture and Society. New York: Harper and Row, 1964.

Johnson-Laird, 1983 = Johnson-Laird, P. Mental Models. London: Cambridge University Press, 1983.

Kintsch, 1974 = Kintsch, W. The Representation of Meaning in Memory. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1974.

Köngas-Maranda, Maranda, 1971 = **Köngas-Maranda, E., Maranda, P.** Structural Models in Folklore and Transformational Essays. The Hague: Mouton, 1971.

Kristeva, 1969 = **Kristeva, J.** *Sèmeotikè. Recherches pour une sém-analyse*. Paris: **Seuil**, 1969.

Labov, 1972a = Labov, W. Language in the Inner City. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.

Labov, 1972b = Labov, W. *Sociolinguistic* Patterns. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.

Labov, 1972c = The transformation of experience in narrative syntax.—In: **Labov, W.** Language in the Inner City. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972, p.354—396.

Labov, 1982 = **Labov, W.** Speech actions and reactions in personal narrative.—In: Tannen, D. (ed.). *Analyzing Discourse: Text and Talk*. Washington, DC: George Town University Press, 1982.

Labov, Fanshel, 1977 = Labov, W., Fanshel, D. *Therapeutic Discourse*. New York: Academic Press, 1977.

Labov, Waletzky, 1967 = Labov, W., Waletzky, J. Narrative analysis. Oral versions of personal experience.—In: **Helm, J. (ed.)**. *Essays on the Verbal and Visual Arts*. Seattle: University of Washington Press, 1967.

Leech, 1983 = Leech, G. *Principles of Pragmatics*. London: Longman, 1983.

Lester, 1980 = Lester, M. Generating newsworthiness: The interpretive construction of public events.— „American Sociological Review”, 1980, vol.4S, p.984—994.

Lévi-Strauss, 1958 = Levi-Strauss, C. *Anthropologie structurale*. Paris: **Plon**, 1958.

Levi-Strauss, 1960 = **Lévi-Strauss, C.** *L'analyse morphologique des contes populaires russes*.— „International Journal of Slavic Linguistics and Poetics”, 1960, vol.20, p.122—149.

Levin, Levin, 1982 = Levin, J., Levin, W. *The Functions of Discrimination and Prejudice* (2nd ed.). New York: Harper and Row, 1982.

Levinson, 1983 = Levinson, S. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Mandl, Stein, Trabasso, 1984 = Mandl, H., Stein, N., Trabasso, T. (eds.) *Learning and Comprehension of Text*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1984.

- McLaughlin, 1984** = **McLaughlin, M.** Conversation. How Talk is Organized. Beverly Hills, CA: Sage, 1984.
- Mehan, 1979 = Mehan, H. Learning Lessons. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979.
- Metz, 1966** = **Metz, C.** La grande systématique du film narratif.— „Communications“, 1966, vol.8, p.120—124.
- Minsky, 1975** = Minsky, M. A framework for representing knowledge.—In: **Winston, P.** (ed.). The Psychology of Computer Vision. New York: McGraw Hill, 1975.
- Molotch, Lester, 1974 = **Molotch, H., Lester, M.** News as purpose behaviour: On the strategic use of routine events. Accidents and scandals.— „American Sociological Review“, 1974, vol.39, p.101—112.
- Morris, 1938** = **Morris, C. W.** Foundations of the Theory of Signs. Chicago: International Encyclopedia of Science, 1938.
- Otto, White, 1982** = **Otto, W., White, E.** (eds.). Reading Expository Material. New York: Academic Press, 1982.
- Parret, Sbisa, Verschueren, 1981 = **Parret, H., Sbisa, M., Verschueren, J.** (eds.). Possibilities and Limitations of Pragmatics. Amsterdam: Benjamins, 1981.
- Petofi, 1971 = **Petofi, J.** Transformationsgrammatiken und eine ko-textuelle Texttheorie. Frankfurt: Athenäum, 1971.
- Prppp, 1958 = **Propp, V.** Morphology of the folktale. **Bloomington, IN:** Indiana University Press, 1958. (Original work published 1928).
- Roeh, 1982** = **Roeh, I.** The Rhetoric of News. **Bochum:** Studienverlag, 1982.
- Rothbart, 1981 = **Rothbart, M.** Memory processes and social beliefs.—In: **Hamilton, D.** (ed.). Cognitive Processes in stereotyping and intergroup behavior. **Hillsdale, NJ:** Lawrence Erlbaum Associates, 1981.
- Sacks, **Schegloff, Jefferson, 1974** = **Sacks, H., Schegloff, E., Jefferson, G.** A simplest systematic for the organization of turntaking for conversation.— „Language“, 1974, vol.50, p.696—735.
- Sadock, 1974 = **Sadock, J.** Towards a Linguistic Theory of Speech Acts. New York: Academic Press, 1974.
- Sandell, 1977 = **Sandell, R.** Linguistic Style and Persuasion. London: Academic Press, 1977.
- Sanford, Garrod, 1981 = **Sanford, A., Garrod, S.** Understanding Written Language. New York: Wiley, 1981.
- Saville-Troike, 1982 = **Saville-Troike, M.** The Ethnography of Communication. Oxford: **Blackwell**, 1982.
- Schank, 1982 = **Schank, R.** Dynamic Memory. London: Cambridge University Press, 1982.
- Schank, Abelson, 1977 = **Schank, R., Abelson, R.** Scripts, Plans, Goals and Understanding. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1977.
- Schenkein, 1978** = **Schenkein, J.** (ed.). Studies in Conversational Interaction. New York: Academic Press, 1978.
- Scherer, Giles, 1979** = **Scherer, K., Giles, H.** (eds.). Social Markers in Speech. London: Cambridge University Press, 1979.
- Schmidt, 1973 = **Schmidt, S.** Texttheorie. Munich: Fink (UTB), 1973.
- Searle, 1969 = **Searle, J.** Speech Acts. Cambridge University Press, 1969.
- Sebeok, 1960** = **Sebeok, T.** Style in Language. Cambridge, Mass: MIT Press, 1960.
- Sinclair, **Coulthard, 1975** = **Sinclair, J., Coulthard, M.** Towards an Analysis of Discourse. London: Oxford University Press, 1975.

Stubbs, 1983 = **Stubbs**, M. **Discourse** Analysis. The **Sociolinguistic** Analysis of Natural Language. Oxford: **Blackwell**, 1983.

Sudnow, 1972 = **Sudnow**, D. (ed.). **Studies in Social Interaction**. New York: Free Press, 1972.

Tajfel, 1981 = **Tajfel**, H. **Human Groups and Social Categories**. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Thorndyke, 1978 = **Thorndyke**, P. Knowledge acquisition from **newspaper stories**.— „**Discourse** Processes", 1978, vol.2, p. 95—112.

Todorov, 1966a = Todorov, T. **Les** categories du **récit littéraire**.— „Communications", 1966, vol.8, p.125—151.

Todorov, 1966b = Todorov, T. **Textes des formalistes russes**. Paris: **Seuil**, 1966.

Todorov, 1969 = Todorov, T. **Grammaire** du Decameron. The Hague—Mouton, 1969.

Tuchman, 1978 = **Tuchman**, G. **Making News**. New York: Free Press, 1978.

Wyer, Srull, 1984 = **Wyer**, R. Jr., **Srull**, T. (eds.). **Handbook of Social Cognition**. (Vol.1—3). Hillsdale, NJ: Lawrence **Erlbaum Associates**, 1984.

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ЭТНИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ*

ВВЕДЕНИЕ

Впечатляющий прогресс, наблюдаемый за последнее десятилетие в области психологии и искусственного интеллекта, **привел — среди** прочих достижений, связанных с обработкой текста на естественном **языке,— к** осознанию того важного **факта, что** понимание текста предполагает не только знание языка, но также и знание мира. В частности, была сформулирована гипотеза о том, что важнейшим компонентом процессов построения и восприятия текстов является осмысление стоящих за ними социальных ситуаций и их когнитивная репрезентация. Внимание, которое уделяет этому предположению ряд научных дисциплин, все время растет, о чем свидетельствует настоящая книга. По всей видимости, многие ученые пришли к единому мнению о том, что построение *моделей* в памяти, соединяющих репрезентацию ситуаций с обработкой текстов (discourse), является многообещающим и наиболее продуктивным направлением исследований в данной области. И все же мы еще крайне мало знаем о природе таких моделей и их использовании. В этой главе мы покажем, как связаны когнитивные модели социальных ситуаций с производством текстов, и продемонстрируем практическую полезность этого подхода, анализируя **тексты**, обладающие высокой социальной значимостью: **повседневные** беседы о группах национальных меньшинств.

* Теш А. van Dijk. Cognitive Situation Models in Discourse Production: The Expression of Ethnic Situations in Prejudiced Discourse (Chapter 4).— Из книги: „Language and Social Situations”. New York, 1985, p. 61—79.